

ПОСЛЕДНИЙ ВХОД

КИРА РЕЗНИК

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО

№ 2-24504

ДАТА: 12.05.24

МЕСТО: СДП

ПОДПИСЬ: Ерма

СВИДЕТЕЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Книга 7

Кира Резник

Свидетель

«Автор»

2026

Резник К.

Свидетель / К. Резник — «Автор», 2026

После дела «Черновика» Надя Климова ещё не успела выдохнуть. Авторский контур повреждён, но система не исчезла - она сменила способ давления. Теперь удар приходится по тем, кто подтверждает реальность: по телу, эксперту, свидетелю, протоколу и связи, которая в нужный момент рвётся. Судебный медик Рита Корнеева получает новый статус: свидетель пригодна. В старом деле всплывает её настоящая подпись, человек, официально погибший много лет назад, приходит живым, а затем умирает уже по-настоящему. Продажные силовики, наркосеть и ведомственная процедура оказываются связаны куда плотнее, чем казалось: свидетелей не обязательно убивать - достаточно сделать их непригодными. Наде придётся проверить своих так же жёстко, как чужих. Паше - сказать правду, которая режет команду. Рите - доказать не свою невиновность, а право тела быть услышанным. В мире, где голосовые доходят поздно, камеры пишут без звука, а документ сильнее человека, свидетельство становится самым опасным местом преступления.

© Резник К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	5
1. Пригодна	7
2. Свидетель своей смерти	11
3. Девять минут	16
4. Пустой пакет	22
5. Локально	27
6. Не явилась	32
7. Красная точка	37
8. Передумал	42
9. Одна галочка	47
10. Объяснение	54
11. Непригодна	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Свидетель

Оглавление

1. Пригодна
2. Свидетель своей смерти
3. Девять минут
4. Пустой пакет
5. Локально
6. Не явилась
7. Красная точка
8. Передумал
9. Одна галочка
10. Объяснение
11. непригодна
12. Сорок семь минут
13. Лестничное горло
14. Образец без лица
15. Неявка
16. Ноготь
17. Проект
18. Допустимо
19. Не трогать
20. Свидетель обвинения
21. Реестр пригодности
22. Списать
23. Маринка
24. Тело как показание
25. Пока темно
26. Объяснение
27. Б/7
28. Семнадцатый
29. Одна галочка
30. Бокс семь
31. Личный материал
32. Источник
33. Девять ноль-ноль
34. Не рекомендован
35. Основной свидетель
36. Источник пять
37. Ручной режим
38. Ручной режим
39. Признала
40. Сорок семь минут
41. Источник воздействия
42. Методика
43. Старое молчание
44. Полная грязь

45. Редактор
46. Переназначение
47. Бумажная тетрадь
48. Особое мнение
49. Свидетель говорит
50. Двадцать одна секунда
51. Пригодность
52. Очная ставка с процедурой
53. Свидетель защиты
54. Неустойчива

1. Пригодна

Рита Корнеева не любила, когда утро начиналось с чужой смерти, но служба давно объяснила ей, что её вкусы никого не интересуют. В семь сорок две в коридоре морга горела половина ламп, вторая половина мигала так, будто тоже хотела написать заявление и уйти на больничный. На мокром линолеуме оставались следы бахил, серые, расплзающиеся к разводам, как плохо смытая тушь. В ординаторской пахло растворимым кофе, хлоркой, тонером и пластиковыми папками, которые почему-то всегда воняли тревогой сильнее трупов.

Телефон лежал рядом с клавиатурой и показывал две полоски связи. Две полоски в здании, где стены принимали сигнал хуже, чем некоторые покойники принимали версию следствия. Мессенджер висел на «подключении», почта открывала список писем без вложений, ведомственная система пустила Риту с третьего раза и тут же попросила подтвердить вход через приложение, которое решило подумать о жизни.

- Да чтоб вы все подавились безопасностью, - сказала Рита экрану.

Экран промолчал. Он вообще был из тех, кто умел молчать обвинительно.

На столе под лампой лежала папка с утренним поступлением. Мужчина, примерно сорок пять, найден в парадной на Лиговском, предварительно - острое отравление, следов насильственной смерти при первичном осмотре не выявлено. Рита ещё не смотрела тело, только пробежала глазами сопроводилку и сразу поморщилась: бумага была написана так аккуратно, будто её сочиняли для человека, который никогда не видел парадные на Лиговском. Там не пахнет предварительно. Там пахнет кошачьей мочой, дешёвым табаком, мокрым картоном, человеческим страхом и чужой возможностью не вмешиваться.

Она открыла карточку поступления. Система опять подвисла. На белом поле появился серый прямоугольник, потом крутящийся кружок, потом строка «соединение нестабильно». Рита ткнула пальцем в монитор, не потому что это могло помочь, а потому что некоторым вещам нужно было объяснять телесно.

- Нестабильна тут я, родные. И вы меня ещё не видели.

Кружок покрутился и сдался. Карточка открылась.

Фамилия мужчины ничего ей не сказала: Матвей Сергеевич Рыбин. Паспорт свежий, выдан два года назад. Постоянной регистрации нет, временная в комнате гостиничного типа на Кондратьевском. При себе - телефон с разбитым стеклом, ключ от домофона без метки, блистер с таблетками без упаковки, квитанция из аптеки, пятьсот восемьдесят рублей наличными и бумажный обрывок с номером, написанным синей ручкой.

Рита увеличила скан. Номер расплылся пикселями, как будто его отсканировали через пакет. Система снова мигнула.

«Файл не загружен полностью».

- Да ну что ж такое, - Рита откинулась на спинку стула и посмотрела в потолок. - Даже мёртвые нынче приходят недогруженные.

За дверью хлопнула каталка. Кто-то из санитаров выругался. В коридоре послышался голос дежурной медсестры, усталый и плоский:

- Корнеева, там к тебе ещё бумага.

- Бумагу не ко мне. Бумагу к психологу. У неё травма быть бумагой.

Дверь открылась, и на пороге появилась Лида, маленькая, жилистая, с лицом человека, который видел за смену больше бессмысленного, чем разрешено по трудовому кодексу. Она держала в руке прозрачный файл.

- Не шути. Тут из архива пришло. По старому делу совпадение в системе.

- Какое ещё совпадение?

- Не знаю. Мне сказали тебе отдать и не читать.

- Конечно. Потому что если читать, можно узнать, что мы работаем не в цирке, а в его бухгалтерии.

Лида положила файл на стол и ушла. Рита не сразу его открыла. Ей не понравилось, как пластик лег поверх утренней папки. Слишком ровно. Слишком заранее. После последних недель она начала подозревать даже скрепки, особенно если скрепки держались уверенно.

В файле был распечатанный фрагмент старого экспертного документа. Не весь, только лист с таблицей и подписью. На верхнем краю - обрезанный номер дела, год плохо пропечатан, последние цифры видны: 18. Ниже строка: «уточнение маркировки биологического материала». Дальше мелкий текст, в котором служебная вежливость делала вид, что ничего страшного не происходит.

Рита читала быстро. Маркировка восстановлена по сопроводительным данным. Расхождение признано несущественным. Образец принят к дальнейшему исследованию. Эксперт Корнеева Р. В.

Внизу стояла её подпись.

Настоящая.

Не та неловкая имитация, которую любая приличная экспертиза порвала бы за пять минут. Не цифровой мусор, не вклеенный скан. Её старая, резкая подпись, ещё с тем вылетом последней буквы, от которого она потом отучилась, потому что подпись цеплялась за соседние строки в журналах.

Рита почувствовала, как в груди на секунду стало пусто, будто кто-то вынул воздух и аккуратно положил рядом с папкой.

Она не помнила этот лист.

Это было хуже, чем если бы помнила.

Восемнадцатый год. Она тогда работала слишком много, спала мало, ела что попало и подписывала уточнения десятками. Не заключения - мелочь. Служебное дерьмо. Принято, исправлено, восстановлено, направлено, передано, получено. Папки шли через стол потоком, и в каждой могло лежать что угодно, если сверху было достаточно правильных слов.

Рита поставила лист перед собой, взяла телефон и открыла камеру. Хотела отправить Наде. Телефон подумал, замер, показал мутное изображение подписи и выдал: «не удалось сохранить фото».

- Ну конечно, - тихо сказала Рита. - Куда ж тебе. Ты же тоже свидетель. Тебе нельзя.

Она перезапустила камеру. Сняла снова. Фото сохранилось, но мессенджер не отправлял. Одна серая галочка висела рядом с именем Климовой, как маленькая издѣвка.

Рита набрала номер.

Гудки шли долго, потом оборвались. Через пару секунд телефон высветил: «сбой вызова».

Она набрала ещё раз. На третьем гудке Надя ответила. Голос шёл через треск, будто Климова говорила из-под воды или из чужого протокола.

- Рита?

- Ты где?

- В конторе. Связь у тебя рвѣтся.

- Да у меня тут вообще всё рвѣтся, кроме терпения, но оно тоже на честном слове. Мне только что принесли старый лист с моей подписью.

Пауза. Не эмоциональная. Рабочая. Надя умела молчать так, что человек сам слышал, куда надо положить следующий факт.

- Подпись настоящая? - спросила она.

Рита закрыла глаза.

- Пошла ты нахуй, Климова.

- Значит, настоящая.

- Я не сказала.

- Ты сказала.

Рита сжала переносицу пальцами. В коридоре снова хлопнула дверь, кто-то попросил перчатки, кто-то ответил, что перчатки закончились ещё вчера, но по документам они есть. Нормальный четверг.

- Это не заключение, - сказала Рита. - Уточнение по маркировке. Образец принят, расхождение несущественное. Восемнадцатый год. Дело пока не вижу. Система лежит как уставший алкоголик.

- С чем совпало?

- С утренним телом. Рыбин Матвей Сергеевич. Но архивный номер обрезан. Мне кинули не весь документ.

- Кто принёс?

- Лида. Ей передали из архива. Кто именно - сейчас выясню и кого-нибудь укушу.

На линии снова пошёл треск. Надин голос распался на куски.

- ...не трогай... одна... еду...

- Чего?

- Не трогай одна, - повторила Надя, уже чётче. - И не отправляй через мессенджер. Сфотографируй на отдельный аппарат, если есть. Бумагу в пакет. Не в тот, который у вас для вида, а нормальный. Скажи Лиде, чтобы вспомнила лицо.

- Она не видела лицо.

- Тогда пусть вспомнит отсутствие лица.

Рита усмехнулась, но без радости.

- Ты стала противная, Климова.

- Была.

- Нет, раньше ты была просто токсичная. Сейчас у тебя профессиональный рост.

Связь опять просела. В трубке что-то хрустнуло, потом голос Нади исчез. На экране появилось «вызов завершён». Рита посмотрела на телефон и медленно положила его на стол.

На мониторе ведомственная система тем временем ожила. Старая карточка прогрузилась не полностью, кусками: сначала шапка, потом таблица, потом чёрная полоса неотображённого вложения, потом строка, которой там быть не должно было.

«Корнеева Р. В.»

Рита наклонилась ближе.

Строка подгрузилась ещё на два слова.

«Достоверность свидетельства: управляемая».

Она не моргнула. Просто сидела и смотрела, пока экран окончательно не собрал запись, холодную, служебную, почти безличную.

«Статус: пригодна».

Внизу мигала кнопка «подтвердить ознакомление».

Рита медленно убрала руку с мыши.

- Нет, суки, - сказала она очень тихо. - Ознакомляться будете вы.

В коридоре снова покатали тело. Колёса каталки стучали по стыкам линолеума неровно, с маленькой задержкой на каждом пороге. Рита знала этот звук лучше, чем голоса многих живых. Он всегда говорил одно: бумага уже пришла, теперь несут то, что будет с ней спорить.

Она встала, взяла перчатки, открыла дверь и увидела у стены каталку с серым мешком. На бирке была фамилия Рыбин.

Маркер поплыл от влаги, и последняя буква стала похожа на другую.

Рита подумала, что день даже не начался.

Потом телефон на столе коротко пискнул.

Сообщение Нади наконец ушло, но в ответ пришло не от Нади. Неизвестный номер. Без аватара. Без имени.

«Не трогай Корнееву. Она не выдержит второй раз».

Связь тут же снова пропала.

2. Свидетель своей смерти

Надя Климова прочитала сообщение Риты уже по дороге к моргу. Точнее, не сообщение, а его остаток: фотография подписи не загрузилась, вместо неё висел серый прямоугольник с маленькой иконкой горы, будто телефон предлагал посмотреть пейзаж там, где должна была быть старая вина. Текст подгрузился через минуту: «моя подпись. настоящая. старая. тело Рыбин. система пишет пригодна. я не жму».

Последние слова Надя перечитала дважды. «Я не жму» - это было не про кнопку. Это было про Риту. Рита могла материться, шутить, грозить вскрыть сервер топором, но в нужный момент она не трогала то, что трогать нельзя. У неё была профессиональная безразличность к лишнему движению. Такая безразличность иногда спасала больше, чем героизм.

Такси стояло на Литейном, не двигаясь. Навигатор показывал зелёный коридор, хотя впереди всё было намертво забито машинами. Водитель, мужчина с рыхлым лицом и обиженным затылком, каждые тридцать секунд тыкал в экран, как будто пробка была личным оскорблением приложения.

- Он мне пишет, что восемнадцать минут, - сказал водитель.

- Он оптимист.

- Это не оптимист, это гад.

Надя посмотрела в окно. Серый Петербург висел низко, мокро, без настроения. Город после громких дел никогда не выглядел изменившимся. Он просто продолжал пачкать обувь, принимать заявления, терять людей и делать вид, что всё происходит само. На углу женщина в капюшоне пыталась открыть мессенджер и держала телефон высоко, почти над головой, будто ловила не связь, а разрешение.

У Нади зазвонил телефон. Номер был неизвестный. Она приняла вызов сразу.

В трубке шипело. Потом появился мужской голос, тихий, торопливый, сбивающийся.

- Климова?

- Да.

- Вы одна?

- Нет.

Водитель покосился в зеркало.

- Кто рядом?

- Человек, который хочет доехать до пункта назначения быстрее, чем интернет до собственного сервера. Говорите.

Молчание. Потом короткий вдох.

- Мне сказали, вы после себя живых не оставляете.

Надя закрыла глаза на полсекунды. Вот оно. Не угроза. Не пистолет у двери. Не «мы знаем, где вы живёте». Её имя уже отдали впереди неё и сделали из него инструмент.

- Кто сказал?

- Те, кто знают. Они сказали, если я выйду на вас, меня закроют вторым разом. Если не выйду - первым настоящим.

- Как вас зовут?

Связь провалилась. В трубке остался только влажный треск, будто кто-то мял пакет рядом с микрофоном. Надя посмотрела на экран. Вызов шёл, но секунды зависли на одной цифре.

- Повторите имя.

- ...ей... Сергей...

- Сергей как?

- Горячев. По старому. Сейчас Рыбин.

Надя медленно подняла взгляд. Машины впереди наконец дёрнулись, но водитель не поехал, потому что в этот момент смотрел в зеркало на неё слишком внимательно.

- Матвей Рыбин? - спросила она.

На линии снова треск. Потом голос сказал:

- Матвей уже мёртвый будет, если вы к Корнеевой поедете. Слушайте меня. Я был свидетелем своей смерти.

Надя не стала переспрашивать. Люди, которые говорят такую фразу, либо безумны, либо знают, как звучит невозможное. В её работе чаще оказывалось второе, а безумие просто выдавали в приложении к делу, как бесплатную печать.

- Где вы?

- Не скажу по телефону.

- Тогда зачем звоните?

- Проверить, вы настоящая или нет.

- И как?

- Настоящие обычно злятся.

- Я злюсь не по заявке.

Он коротко, почти беззвучно усмехнулся. Потом сказал тише:

- У меня есть видео. Оно не ушло. Три раза пытался. Висит. Там я называю фамилию. Там видно двор. Если я пропаду, оно должно было уйти вам.

- Не ушло?

- Нет. Одна галка. Потом серое. Потом вообще пропало из чата. Но файл в телефоне есть. Наверное.

«Наверное» в таких делах стоило дороже признания. Признание можно было оформить, запугать, оспорить, испачкать. А «наверное» было дыркой, куда проваливалась жизнь.

- Где встречаемся? - спросила Надя.

- У «Балтийской». Не внутри. Старый двор за гостиницей, где пункт выдачи. Там связь плохая, камер меньше.

- Когда?

- Через сорок минут.

- Вы доедете?

- Если они не доедут раньше.

- Кто они?

Он замолчал. Потом тихо сказал:

- Свои в отделе. Не все. Не пишите это. Не говорите. Не...

Вызов оборвался.

Надя сразу набрала Пашу. Он ответил на втором гудке.

- Я слушаю.

- Где ты?

- На Литейном. После вчерашнего у нас тут все делают вид, что работают по плану. Что у тебя?

- Рыбин жив.

Пауза была короткой, но в ней успели пройти все плохие варианты.

- Тот, который у Риты на столе?

- Возможно, ещё не на столе. Или уже да. У него старое имя Сергей Горячев. Говорит, был свидетелем своей смерти. Встреча у «Балтийской» через сорок минут. Он боится меня больше, чем тех, кто его ведёт.

- Потому что ему помогли.

- Да.

- Я подъеду.

- Нет. Ты официально не подъезжаешь. Сначала пробей Горячева. Старые дела, свидетель, смерть, связь с Лиговским, Кондратьевским, наркота, вещдоки, понятия. Особенно восемнадцатый год.

- Надя.

Она услышала в его голосе то, что он не хотел туда класть: страх. Не за неё даже. За то, что опять началось до того, как кто-то успел выдохнуть.

- Что?

- Если он уже в деле как мёртвый, любое твоё движение рядом с ним потом положат против тебя.

- Уже положили.

- Я серьёзно.

- Я тоже.

Водитель резко нажал на тормоз. Такси дёрнулось, Надя уперлась ладонью в переднее сиденье. На экране телефона Пашин голос на секунду исчез, потом вернулся с задержкой.

- ...не одна. Слышишь?

- Слышу через слово.

- Не одна, Надя.

- Тогда работай быстро.

Она сбросила вызов и попросила водителя свернуть. Он сказал, что так будет дольше. Надя ответила, что ей не надо дольше, ей надо туда. Он посмотрел на неё в зеркало ещё раз и больше не спорил.

К «Балтийской» она приехала через тридцать семь минут. Дождь не шёл, но воздух был мокрый, как использованная салфетка. Под ногами хлюпала каша из пыли, старого снега, бензина и майской грязи, которую Петербург умел хранить до лета, как архивную тайну. У входа в метро люди стояли с телефонами, ругались на связь, пытались вызвать машины, отправить сообщения, открыть карты. На табло пункта выдачи мигала реклама скидок. Внутри кто-то спорил с сотрудницей о посылке, которая «по системе получена», но в руках её ни у кого не было.

Надя прошла во двор за гостиницей. Камеры там действительно были странные: одна смотрела в стену, другая висела с отломанным козырьком, третья моргала красной точкой слишком бодро, чтобы ей доверять. Между контейнерами и глухим забором стоял мужчина в серой куртке. Худой, сутулый, с лицом, у которого давно отняли нормальный сон. Он держал телефон в обеих руках, как документ, который может взорваться.

- Горячев? - спросила Надя.

Он вздрогнул.

- Не называйте.

- Тогда Рыбин?

- Тоже не называйте.

- Как к вам обращаться?

- Пока никак.

Надя остановилась на расстоянии трёх шагов. Не подошла ближе. Люди в страхе плохо переносят помощь, если помощь двигается слишком быстро.

- Хорошо. Пока никак. Покажите видео.

Он посмотрел на неё почти с обидой.

- Вы сразу к делу.

- Вы пришли не дружить.

- Мне сказали, вы так и скажете.

- Вам много чего сказали.

- Сказали, что вы давите. Что вы вытаскиваете из людей нужное, а потом они не выдерживают.

- Иногда я давлю. Иногда люди не выдерживают. Это не всегда связано.

Он моргнул. Видимо, ожидал оправдания. Надя давно поняла: оправдания греют только тех, кто их произносит. Свидетелям от них холоднее.

- Значит, правда? - спросил он.

- Частично.

- А если я сейчас уйду?

- Тогда, возможно, проживёте дольше. Возможно, нет.

Он рассмеялся коротко и неприятно.

- Хороший у вас сервис.

- Как связь.

Мужчина посмотрел на телефон, ткнул пальцем в экран. Руки у него дрожали. Не сильно. Опытная дрожь. Такая бывает не от одного страха, а от долгой привычки ждать удара.

- Видео вот. Смотрите.

Он протянул телефон, но не выпустил его из рук. Надя наклонилась. На экране был серый прямоугольник, потом картинка дёрнулась и открылась на секунду: двор, ночь, жёлтый свет фонаря, край номера машины, чья-то рука в перчатке. Звук шёл отдельно, с задержкой.

«Я, Сергей Горячев, проходил свидетелем по делу...»

Картинка зависла. Голос продолжал:

«...официально погиб двадцать третьего августа две тысячи восемнадцатого года. Тело было не моё. Вещи были мои. Кровь...»

Звук оборвался.

Мужчина ткнул в экран ещё раз. Телефон показал «ошибка воспроизведения».

- Видите? - прошептал он. - Оно каждый раз так. До крови доходит и встаёт.

- Файл передавали кому-то?

- Пытался. Себе в почту, в облако, одному человеку. Не ушло. Потом мне написали: «не надо пачкать воздух». Я понял, что у них доступ.

- К телефону?

- К воздуху.

Надя подняла на него глаза. Он сказал это без пафоса, устало. Так говорят люди, которые не умеют объяснить технически, но телом знают точнее любого специалиста: среда больше не нейтральна.

- Кто был в машине? - спросила она.

- Опер. Тогда ещё опер. Сейчас выше. Я не знаю должность. Стриж. Так его называли. Не фамилия, может, кличка. Он не бил. Он просто говорил, кому верить.

- Что вы видели?

Мужчина облизнул губы. Взгляд метнулся к арке.

- Закладчика взяли живым. Парня. Он орал, что там не его. Орал, что он только адрес получил. Потом приехали свои. Не те, кто задерживал. Другие. Бумаги поменяли. Парня потом нашли мёртвым, а я подписал, что видел, как он передавал пакет. Я не видел. Мне сказали: видел. Потом сказали, что я уже слишком много видел. Через неделю я погиб.

- Как?

- По делу - передозировка и пожар. На самом деле меня вывезли. Дали документы. Сказали, живёшь тихо, и все живут. Я жил. Пока старое видео не вылезло.

- Какое старое видео?

Он снова посмотрел в арку. Там прошла женщина с пакетом, не глядя в их сторону. Обычная женщина. Обычный пакет. Надя всё равно отметила её походку, руку в кармане, задержку у мусорного контейнера.

- Я тогда снял кусок на старый телефон. Думал, страховка. Потом телефон забрали. А теперь мне прислали этот кусок. С моего же видео. И сказали, что если я не дам нужные показания против Корнеевой, меня найдут уже без вариантов.

- Против Риты?

- Они хотят сказать, что она знала про образцы. Что эксперт подтвердила подмену. Что всё шло через неё.

Надя почувствовала, как внутри стало холоднее. Не от неожиданности. От совпадения траекторий. Риту поставили не рядом с делом, а внутрь него. Как подпорку для чужой версии.

- Кто «они»?

Мужчина ответил не сразу. Достал из внутреннего кармана сложенный лист. Бумага была влажная, уголки размякли.

- Тут номер дела и адрес. Не открывайте сейчас. Там за вами могут смотреть.

- Могут.

- Вы не боитесь?

- Боюсь. Просто не всегда вовремя.

Он наконец выпустил телефон одной рукой и протянул лист. В этот момент его собственный телефон завибрировал. На экране вспыхнуло сообщение. Надя успела прочитать только верхнюю строку:

«Климова уже рядом. После неё люди не...»

Мужчина дёрнулся так, будто его ударили током. Лист выпал в лужу.

- Я же говорил, - прошептал он. - Я же говорил.

- Стойте.

Но он уже отступил, задел плечом контейнер, развернулся и почти побежал к другой арке. Надя шагнула за ним, но между ними выехал курьер на велосипеде, выругался, едва не упал, и этих двух секунд хватило. Мужчина нырнул в проход между домами.

Надя не побежала сразу. Она подняла лист из лужи. Чернила расплывались, но номер ещё читался: 18-47/С. Ниже адрес на Кондратьевском и одно слово, написанное печатными буквами.

«СТРИЖ».

Телефон снова зазвонил. Паша.

- Нашёл, - сказал он без приветствия. - Сергей Горячев, свидетель по делу о хранении и сбыте, август восемнадцатого. Через три дня после отказа от повторных показаний погиб при пожаре. Оpozнание по вещам и биоматериалу. Экспертные уточнения в деле есть.

- Корнеева?

Пауза.

- Её подпись на одном из листов. Не на заключении. На маркировке образца.

Надя посмотрела в проход, куда исчез мужчина.

- Паша, он только что убежал.

- Почему?

- Ему пришло сообщение, что я рядом.

- Откуда они знали?

Надя подняла глаза на камеру с красной точкой. Та мигнула спокойно, почти дружелюбно.

- Потому что связь сегодня хорошая только у мёртвых.

В глубине прохода хлопнула металлическая дверь. Потом всё стихло.

Через минуту ей пришло новое сообщение с неизвестного номера.

«Вы опоздали на девять минут. В следующий раз опоздаете навсегда».

Вложение не загрузилось.

3. Девять минут

Паша нашёл адрес быстрее, чем город разрешил Наде до него доехать. Кондратьевский в этот час стоял кусками: где-то движение тянулось, где-то внезапно пустело, как будто машины исчезали по ведомственной разрядке. Навигатор трижды перестроил маршрут, дважды предложил свернуть туда, где уже перекопали полулицы, и один раз уверенно повёл во двор, закрытый железными воротами. Водитель второго такси сказал, что связь сегодня чудит с утра, потом рассказал про брата, у которого в Колпино уже третью неделю «всё открывается через молитву», и спросил, правда ли полиция может читать переписку.

- Может, - сказала Надя.

- Всю?

- Хуже. Не всю. Только ту, из которой удобно сделать вывод.

Водитель замолчал. Иногда честный ответ работал лучше просьбы не разговаривать.

Паша ждал у серого дома с магазином автозапчастей на первом этаже. Куртка на нём была мокрая по плечам, волосы прилипли ко лбу, лицо стало тем самым, служебным, которое он надевал не для защиты от людей, а чтобы не выпустить наружу лишнее. Рядом стояла машина с районными номерами. У подъезда курил молодой сотрудник в форме, слишком ровный для этого двора. Он смотрел не на тело, не на подъезд, а на Надю.

- Где? - спросила она.

- В проходе за домом. Местные нашли. Скорая приехала первой, потом район. По первичке - передозировка. Документы на имя Матвея Рыбина.

- Быстро.

- Слишком.

Они пошли вдоль стены. Под ногами хрустело битое стекло, рядом с мусорными баками лежала размокшая коробка от детского самоката. В окнах никто не стоял. Петербург умел не смотреть наружу с дисциплиной человека, который выжил именно благодаря этому навыку.

Мужчина лежал у железной двери технического входа, на боку, как будто его положили поспать и забыли сказать, что сон теперь официальный. Лицо было серое, губы чуть приоткрыты, одна рука вытянута вперёд. В пальцах зажат кусок грязной бумаги. Телефон лежал рядом экраном вверх, трещина на стекле пересекала уведомление: «загрузка не завершена».

Надя остановилась в двух шагах.

Она видела его живым меньше получаса назад.

Этого было достаточно, чтобы тело не стало просто телом. Но недостаточно, чтобы кто-то из присутствующих обязан был ей поверить.

- Не подходите, - сказал молодой сотрудник у неё за спиной.

Голос был аккуратный. Не грубый. Такие голоса Надя не любила сильнее крика.

Паша показал удостоверение.

- Лазарев. Следственный комитет. Кто старший?

- Сейчас будет.

- Сейчас бывает у тех, кто едет. Кто здесь старший?

Сотрудник посмотрел на Пашу, потом на Надю, потом снова на Пашу.

- Капитан Метельский. Оформляет понятых.

- Уже?

- А что тянуть? Всё ясно.

Надя посмотрела на него. Он выдержал взгляд почти хорошо. Слишком почти.

- Вам сколько лет? - спросила она.

- При чём тут...

- При том, что «всё ясно» обычно говорят либо молодые, либо виноватые. Вы пока можете выбрать.

Паша тихо сказал:

- Надя.

Она услышала предупреждение и приняла его. Не потому что Паша имел право её останавливать. Потому что он уже думал о протоколе. О том самом, где её фраза потом станет «оказала давление на сотрудника полиции при исполнении». И он будет обязан сказать, что слышал.

Вот так это работало. Правда становилась оружием ещё до выстрела.

Из подъезда вышел мужчина лет сорока пяти, плотный, с гладко выбритым лицом и глазами без спешки. На нём была тёмная куртка без знаков, но держался он так, будто знаки были не нужны. Он посмотрел на Пашино удостоверение, потом на Надю. Узнал. Не показал.

- Капитан Метельский, - сказал он. - Районный отдел. У нас труп без признаков насилия, предположительно отравление. Вы по какому основанию?

- По основанию совпадения с федеральным делом и живого контакта с погибшим за полчаса до смерти, - ответил Паша.

Метельский чуть поднял брови.

- Живого контакта?

- Он встречался с Климовой.

Метельский перевёл взгляд на Надю.

- С вами?

- Со мной.

- О чём говорили?

Паша едва заметно повернул голову. Надя поняла: отвечать надо точно. Не защищаться. Не умничать. Не давать лишнего.

- О старом деле восемнадцатого года. О его официальной смерти. О свидетелях. О сотруднике, которого называли Стриж.

Метельский не изменился лицом. Только глаза стали внимательнее.

- Стриж?

- Да.

- Это фамилия?

- Он не уточнил.

- Удобно.

- Для кого?

Метельский посмотрел на тело.

- Для всех, кто любит слова без адреса.

Паша шагнул ближе.

- Телефон, бумагу из руки, карманы, место обнаружения - всё фиксировать с видео. До прибытия нашей группы ничего не перемещать.

- У нас своя группа.

- Теперь будет ещё одна.

- Вы понимаете, что вмешиваетесь в районное оформление?

- Да.

- Тогда оформим.

Слово прозвучало почти мягко. Надя отметила его и положила внутрь. У Метельского не было нервозности. Не было дешёвой агрессии. Он не пытался выгнать их. Он просто строил процедуру так, чтобы любое движение стало их собственным нарушением.

У тела запищал телефон. Все посмотрели вниз.

Экран мигнул. Недогруженное уведомление на секунду сменилось новым сообщением. Надя успела увидеть только начало:

«Климова скажет, что я...»

Потом экран погас.

- Не трогать, - сказал Паша.

Молодой сотрудник уже наклонился, но замер.

Метельский улыбнулся одними губами.

- Конечно.

Надя присела на корточки, не переходя границу, которую мысленно провела вокруг тела. Бумага в пальцах мужчины размокла, но на видимом краю проступала цифра девять. Девять минут. Девять, которые ей уже прислали. Девять, которых не хватило, чтобы добраться. Или которые кто-то заранее выбрал, чтобы теперь она считала.

Скорая стояла во дворе, фельдшер курил у задней двери и смотрел себе под ноги. Женщина из соседнего дома несла мусор и шла слишком медленно. За окном второго этажа шевельнулась занавеска, потом сразу опустилась.

Город видел. Город не свидетельствовал.

Надин телефон завибрировал. Рита.

- Говори, - сказала Надя.

- Рыбин на столе, - ответила Рита.

Надя посмотрела на тело у двери.

- Нет.

- В смысле нет?

- Я стою рядом с Рыбиным.

В трубке стало тихо. Даже помехи будто отступили.

- Повтори.

- Тело на Кондратьевском. Документы Матвея Рыбина. Мужчина, с которым я говорила у «Балтийской». Он мёртв.

Рита выдохнула. В этом выдохе не было растерянности. Там была злость, которая ещё искала форму.

- Тогда у меня кто?

- Вот это и надо понять.

- У меня поступление с Лиговского. Тоже Рыбин. С документами. С телефоном. С таблетками. И с архивным совпадением по моей подписи.

Надя подняла глаза на Пашу. Он уже понял по её лицу.

- Два Рыбина, - сказала она.

Метельский стоял достаточно близко, чтобы услышать. Его лицо осталось спокойным. Это было нехорошо.

- Бывает, - сказал он. - База иногда дублирует.

Рита в трубке услышала чужой голос.

- Это кто там такой умный? - спросила она.

- Район, - ответила Надя.

- Передай району, что если он сейчас скажет «бывает» ещё раз, я приеду и покажу, что бывает при тупой травме тяжёлым предметом. В образовательных целях.

Надя почти улыбнулась. Почти. Потом сказала:

- Рита, не трогай тело до нашего человека.

- Климова, ты мне сейчас приказываешь в моём морге?

- Да.

- Иди нахуй.

- Потом.

- Ладно. Но если оно начнёт портиться, я тебя положу рядом и буду сравнивать динамику. Связь зашипела. Рита сказала ещё что-то, но слова распались. На экране высветилось: «слабый сигнал». Надя убрала телефон.

Паша уже звонил своей группе. Его голос стал сухим, быстрым. Он требовал машину, криминалиста, отдельную фиксацию телефона, запрет районным на изъятие без их присутствия. На другом конце, судя по его лицу, кто-то объяснял невозможность. Паша слушал, потом сказал:

- Невозможность оформите письменно. С временем. Я подожду.

Он сбросил и посмотрел на Надю.

- У нас два тела под одним именем.

- И один живой мёртвый свидетель, который стал мёртвым окончательно.

- Ты говорила с ним одна.

- Да.

- Он убежал после сообщения.

- Да.

- Ты пошла за ним?

- Не сразу.

Паша кивнул. Не осудил. Просто зафиксировал. И от этого стало хуже.

- Тебя будут спрашивать, почему не сразу, - сказал он.

- Пусть спрашивают.

- Я тоже буду.

Она посмотрела на него. Между ними прошёл холодный воздух. Не личный. Рабочий. Именно поэтому неприятный.

- Будешь, - сказала Надя.

- И если спросят, что я слышал, я скажу.

- Знаю.

Метельский наблюдал за ними без видимого интереса, но Надя чувствовала: он слушает каждую паузу. Ему не нужно было ломать их. Достаточно было дождаться, когда они сами начнут говорить правду так, чтобы её можно было поставить против них.

Из-за угла вышли двое понятых. Один - мужчина в грязной куртке с лицом человека, которому пообещали быстро. Вторая - женщина с пакетом из аптеки. Она нервно теребила ручки пакета и всё время смотрела на телефон. Молодой сотрудник подвёл их к месту.

- Подождите, - сказал Паша. - Кто их пригласил?

- Я, - ответил Метельский.

- Когда?

- До вашего приезда.

- По какому основанию так быстро понятые на месте?

Метельский посмотрел на него почти ласково.

- Мы работаем, Павел Игоревич.

Паша не показал, что его имя прицельно вставили в фразу. Надя показала бы, если бы могла себе позволить. Но не могла. Здесь каждое движение уже было в протоколе, даже если протокол ещё не открыли.

Женщина с аптечным пакетом подняла глаза на Надю и вдруг побледнела.

- Это она? - спросила она у молодого сотрудника.

Тот сделал вид, что не понял.

- Кто?

- Климова.

Метельский повернулся медленно.

Надя посмотрела на женщину.

- Мы знакомы?

Та отступила на шаг.

- Мне сказали, если вы приедете, надо уходить. Что после вас людей делают свидетелями. Паша тихо выругался.

Надя не двинулась. Не стала успокаивать. Не стала объяснять, что всё не так. Потому что женщина боялась не фактов. Она боялась имени, которое ей дали заранее.

- Кто сказал? - спросила Надя.

Женщина сжала пакет так, что внутри хрустнула упаковка.

- Мужчина. В отделе. Когда меня позвали. Сказал, вы будете спрашивать, давить, а потом я подпишу то, чего не видела.

- И вы всё равно пришли?

- Мне сказали, если не приду, вспомнят сына.

Метельский сделал шаг.

- Гражданка, не нужно сейчас...

- Стоять, - сказал Паша.

Сказал негромко, но так, что молодой сотрудник у стены выпрямился.

Метельский остановился. Улыбка ушла с лица, но ненадолго.

- Вы давите на понятую, Лазарев.

- Я фиксирую попытку давления до нашего разговора.

- Фиксируйте.

Женщина начала плакать без звука. Слезы просто потекли по лицу, как вода по стеклу. Она не закрывалась руками, не всхлипывала, не просила отпустить. Такие люди уже знали: просьбы оформляют отдельно и используют потом.

Надя достала телефон и включила запись. Экран мигнул, приложение открылось со второй попытки. Красная точка появилась, но рядом сразу всплыло предупреждение: «недостаточно места в облаке для синхронизации». Она едва не рассмеялась.

- Локально пишешь, тварь, - сказала Надя телефону.

Женщина посмотрела на неё испуганно.

- Это не вам.

- А кому?

- Эпохе.

Паша на секунду прикрыл глаза. Не от раздражения. От усталости.

Дальше всё начало оформляться. Не происходить - именно оформляться. Приехала вторая машина. Криминалист, которого Паша выбил почти силой, вошёл во двор с таким видом, будто уже жалеет, что не заболел. Районные держались ровно. Метельский разговаривал по телефону, отходя на пару шагов, и каждый раз связь у него почему-то была хорошей.

Тело фотографировали. Телефон упаковали отдельно. Бумагу из пальцев снимали при видеофиксации. На ней оказалась не записка, а оторванная часть старого протокола. Цифра девять была частью номера страницы. Остальное размыло водой, но одна строка уцелела:

«Свидетель предупреждён об ответственности за дачу заведомо ложных показаний».

Надя смотрела на эту строку и думала, что кто-то очень любит старые шутки. Бумажные. Служебные. Не смешные.

Телефон в её руке завибрировал. Наконец загрузилось вложение из неизвестного сообщения.

Фотография.

Дверь Ритиной квартиры. Снято снизу, из подъезда. На ручке висел маленький прозрачный пакет для вещдока. Пустой.

Под фото была подпись:

«Тело скажет, что велит».

Надя подняла глаза. Паша увидел её лицо и подошёл сразу.

- Что?

Она показала экран. В этот момент связь снова пропала, фотография распалась на крупные квадраты, будто дверь Риты кто-то стирал прямо у них на глазах.

Паша сказал очень тихо:

- Езжай к ней.

- А тело?

- Тело я удержу.

- Они этого хотят.

- Возможно.

- Тогда почему?

Он посмотрел на неё. В глазах у него не было ни спасательства, ни просьбы быть осторожной. Только точное, неприятное понимание, за которое она иногда почти ненавидела его.

- Потому что если ты останешься, они ударят по Рите. Если уедешь, ударят по телу. Выбери, где твоя ошибка будет меньше.

Надя кивнула. Ошибка меньше. Вот и вся романтика.

Она пошла к выходу из двора. Женщина с аптечным пакетом смотрела ей вслед и всё ещё плакала. Метельский говорил по телефону и не смотрел, но Надя знала: слышит. У арки молодой сотрудник посторонился. На секунду ей показалось, что он хочет что-то сказать. Предупредить. Извиниться. Спросить, как из этого выйти.

Он промолчал.

Улица встретила её шумом машин и плохим сигналом. Такси не вызывалось. Приложение крутило пустой круг, потом сообщило, что поездок рядом нет, хотя перед ней в пробке стояли три машины с шашечками. Надя вышла к дороге, подняла руку и поймала частника на старой тёмной «Шкоде».

- Куда?

Она назвала адрес Риты.

Мужчина кивнул, включил поворотник и спросил:

- Срочно?

Надя посмотрела в телефон. Фото двери окончательно исчезло из чата. Остался только серый прямоугольник и строка: «вложение недоступно».

- Уже нет, - сказала она. - Теперь быстро.

4. Пустой пакет

Надя ехала к Рите и всё время смотрела на телефон, хотя смотреть там было не на что. Связь то появлялась, то исчезала, как человек, который не решил, будет он свидетелем или нет. Уведомление с фотографией Ритиной двери висело серым пятном. Под ним стояла строчка «вложение недоступно», и это было почти красиво, если не знать, что за каждым таким недоступно обычно лежит чья-то живая кожа.

Водитель старой «Шкоды» молчал первые пять минут, потом всё-таки не выдержал:

- У вас там кто-то умер?

- Ещё не все.

Он посмотрел в зеркало, быстро отвёл глаза и больше не спрашивал. Машина ползла через мокрый город. На перекрёстках стояли люди с телефонами, уткнувшись в экраны, как в маленькие иконы, которые перестали помогать. Где-то у светофора девушка ругалась в голосовое, но голосовое не отправлялось, и она начинала сначала, злее, с тем же бессмысленным упорством. Возле аптеки мужчина держал телефон над головой, ловя сигнал, будто связь можно было снять с неба руками.

Надя набрала Риту. Вызов не прошёл. Набрала ещё раз. На третьей попытке линия открылась, но вместо голоса пошёл длинный треск, потом короткий кусок Ритино мата, потом тишина.

- Ты где? - спросила Надя в пустоту.

Тишина решила не свидетельствовать.

Через минуту пришло сообщение от Риты. Не сразу целиком. Сначала одно слово: «морг». Потом через двадцать секунд: «жива». Потом ещё через полминуты: «не радуйся».

Надя почти усмехнулась. Это было достаточно похоже на жизнь, чтобы ехать дальше.

Дом Риты стоял в тихой старой улице, где парадные ещё пытались выглядеть прилично, но подъезды давно знали правду о людях лучше фасадов. Дверь во двор открывалась тяжело, с металлическим скрежетом. Во дворе пахло мокрой штукатуркой, кошачьим кормом, холодным мусором и чем-то аптечным, будто кто-то пролил дешёвый антисептик прямо на асфальт.

На домофоне мигала камера. Красный огонёк загорался с задержкой, умирал, снова загорался. Надя подняла телефон и начала снимать, не подходя близко. Приложение открылось со второй попытки, запись пошла, но наверху тут же возникло предупреждение: «синхронизация невозможна».

- Локально, - сказала Надя. - Сегодня все живут локально.

Лифт не работал. На бумажке, приклеенной к двери, было написано «вызван мастер», но бумажка выцвела так давно, что мастер мог уже сменить профессию, умереть и пройти по делу как неизвестный мужчина с неисправной кнопкой. Надя поднялась пешком. На третьем этаже пахло жареным луком. На четвёртом - батареейной духотой и кошачьей мочой. На пятом у стены стояла детская коляска с одним колесом, рядом лежал пакет с пустыми бутылками. Обычная жилая лестница. Самое удобное место для чужого знака.

Пакет висел на ручке Ритиной двери.

Небольшой прозрачный пакет для вещдоков. Новый. Пустой. На белой наклейке чёрным было напечатано: «Объект: ручка входной двери. Адрес: Корнеева Р. В.» Ниже - штрихкод, номер и строка «изъятие произведено в присутствии свидетеля».

Свидетеля там не было.

Надя остановилась на расстоянии вытянутой руки. Она не трогала пакет. Не трогала дверь. Не наклонялась слишком близко. Снимала общий план, лестничную площадку, замок, ручку, пакет, наклейку, соседние двери, пол, следы грязи у плинтуса. В телефоне запись шла рывками, картинка иногда застывала, но таймер двигался. Локально. Плохо, но своё.

Сверху скрипнула дверь. Надя подняла взгляд. Из квартиры на шестом выглянула женщина лет семидесяти, маленькая, сухая, в халате поверх свитера. Лицо у неё было недоверчивое, но не испуганное. Из тех лиц, которые не боятся полиции, потому что давно боятся коммунальщиков сильнее.

- Вы к Ритке? - спросила женщина.

- К ней.

- Её нет.

- Знаю.

- А эти уже были.

Надя не двинулась. Камеру не опустила.

- Какие эти?

Женщина спустилась на две ступеньки, держась за перила. Перила были липкие от старой краски и чужих ладоней. Она посмотрела на пакет, плюнула себе под ноги, но аккуратно, будто даже плевок у неё был по уставу.

- Один в форме. Второй в куртке. Не наша полиция, наши тут так быстро не ходят. Наши сначала домофон ломают, потом спрашивают, кто открыл.

- Когда?

- Минут сорок назад. Может, час. У меня часы в комнате отстают, а телефон сегодня вообще как идиот. Сын звонит, я слышу только «мам, мам», и всё. Думала, помирает. Оказалось, интернет.

- Они заходили в квартиру?

- Нет. У двери стояли. Один фотографировал. Второй повесил вот эту гадость. Я спросила, чего надо. Он сказал, проверка.

- Как выглядел?

Женщина прищурилась.

- Тот, что в форме, молодой. Лицо гладкое, будто ещё не понял, куда попал. Второй постарше. Не толстый, не худой. Глаза спокойные. Слишком спокойные. С такими глазами мужики алименты не платят и чайник чужой уносят как свой.

- Фамилии не называли?

- Ага, сейчас. Они ж прям мне отчитаются, гражданке пенсионного возраста с повышенной наблюдательностью.

Надя посмотрела на неё внимательнее.

- Как вас зовут?

- Тамара Ивановна. Только вы меня в бумагу не суйте. У меня давление, кот и внучка в ипотеке.

- Я не буду вас куда-то совать без вашего согласия.

- Это все так говорят, пока ручка не появится.

Надя кивнула. Хорошая формулировка. Живая. Значит, женщина не пересказывала чужую инструкцию.

- Тамара Ивановна, вы дверь трогали?

- Нет. Я ж не дура. Ритка меня один раз так выучила, что я теперь даже чужие пакеты глазами открываю.

- Она вам ключи оставляла?

- Нет. Она меня любит, но не настолько, чтобы доверять мне свою жизнь. Правильно делает.

Снизу хлопнула дверь подъезда. Надя повернула телефон вниз. По лестнице поднимался мужчина в серой жилетке управляющей компании. На груди бейджик, в руке планшет. Он увидел Надю, увидел пакет, потом очень быстро сделал лицо человека, который ошибся подъездом.

- Вам кого? - спросила Надя.

- Заявка по стояку.

- В какой квартире?

- Пятьдесят восьмая.

- Это другой подъезд.

Мужчина посмотрел на планшет, будто планшет мог взять вину на себя.

- Система так показала.

- Система сегодня много чего показывает.

Он начал спускаться. Не побежал. Люди, которых учат, не бегут сразу, если на них смотрят. Они уходят обычным шагом, оставляя себе видимость бытовой ошибки. Надя сняла его спину, ботинки, планшет, грязный край жилетки. Камера на телефоне вдруг затемнила картинку, автофокус поплыл.

- Эй, - сказала Тамара Ивановна сверху. - Это тот второй.

Мужчина остановился на полсекунды. Всего на полсекунды. Потом пошёл быстрее.

Надя не бросилась за ним. Она уже один раз потеряла живого свидетеля из-за двух секунд и чужого велосипеда. Второй раз ей предлагали потерять дверь Риты. Она осталась на площадке.

Телефон завибрировал. Паша.

- Слушаю, - сказала она.

- У нас пытаются увезти тело.

Голос шёл плохо, с провалами, но главные слова добрались.

- Кто?

- Район говорит, что место открытое, санитарные основания, надо везти. Я держу. Криминалист на месте, но Метельский оформляет параллельно. Женщину-понятую увели в машину поговорить.

- Её нельзя оставлять одну.

- Знаю.

- Там пакет у Ритиной двери. Пустой, вещдок. Наклейка уже оформлена так, будто ручку изъяли при свидетеле.

Пауза. Потом Паша коротко выдохнул.

- Не трогала?

- Нет.

- Хорошо.

- Уходил человек под управляющую компанию. Похож на того, кто вешал пакет. Снимаю локально. Связи почти нет.

- Не входи в квартиру.

- Я не маленькая.

- Я не об этом.

- Знаю.

Связь просела. Пашин голос распался на куски: «...если... пакет... тебя... свидетель...»
Потом вызов оборвался.

Надя стояла перед дверью Риты, держала телефон и чувствовала редкую, неприятную неподвижность ситуации. Любое действие уже было чужим предложением. Снять пакет - вмешательство. Оставить - риск. Позвать участкового - пустить внутрь тех, кто, возможно, уже здесь был. Ждать - дать времени сделать свою работу.

Из квартиры Тамары Ивановны раздался котловый вопль.

- Извините, - сказала женщина. - Он у меня тоже против власти, только через желудок.

- У вас есть стационарный телефон?

- Был. Внук сказал, пережиток. Теперь вот пережиток живёт спокойнее нас всех.

Надя посмотрела на домофонную камеру.

- Камеры в подъезде пишут куда?

- В управляйку. Но они всегда говорят, что запись не сохранилась. У нас сосед с третьего велосипеда лишился, так камера весь день смотрела на его велосипед, а когда украли, устала.

- Кто старший по дому?

- Я. Неофициально. Официально у нас чат.

В этом было что-то очень петербургское: власть формально у чата, фактически у женщины в халате, которая не трогает чужие пакеты.

Надя попросила Тамару Ивановну открыть дверь квартиры и говорить изнутри, не выходя на площадку. Потом набрала Риту ещё раз.

На этот раз Рита ответила сразу.

- Ты у меня?

- У двери.

- Не трогай.

- Не трогаю.

- Пакет видела?

- Да.

- Пустой?

- Да.

Рита выругалась тихо, без украшений.

- Значит, они делают не изъятие. Они делают вид, что оно уже было.

- На наклейке «в присутствии свидетеля».

- Какого свидетеля?

- Видимо, меня ещё не назначили.

- Не смешно.

- Я и не старалась.

В трубке зашумело. Рита отошла куда-то, прикрыла микрофон, кому-то сказала: «ничего не вскрывать, я сказала, вообще ничего, руки себе в карманы засуньте, если чешется». Потом вернулась.

- У меня второй Рыбин. Точнее, первый. Или третий, если считать бумагу как отдельный вид млекопитающего.

- Что по телу?

- Внешне под передозировку можно положить, если очень хочется и совести нет. А хочется явно. Но там не нравится кожа вокруг старых следов, не нравится температура, не нравится, как он лежал до поступления, и очень не нравится сопроводилка. Она слишком гладкая. Гладкая бумага у меня всегда вызывает желание достать нож.

- Не начинай без фиксации.

- Я сама знаю.

- Рита.

- Что?

- Я буду тебя проверять.

На линии стало тихо. Не из-за связи. Это была настоящая тишина.

- Повтори, - сказала Рита.

- Я буду проверять твою подпись, твою цепочку, твои старые уточнения, кто приносил, что ты подписывала, где могла не заметить. Всё.

- То есть я теперь тело?

- Ты теперь свидетель.

Рита усмехнулась. Очень тихо. Опасно.

- Хорошо сказала. Прямо в печень.

- Иначе нельзя.

- Да знаю я, что нельзя, Климова. От этого хочется не меньше дать тебе по лицу.

- Потом.

- Ты сегодня всем обещаешь потом. Веди календарь.

Связь хрустнула, но не оборвалась. Рита сказала уже ниже:

- Слушай. У второго Рыбина есть старый рубец на левом предплечье. В сопроводилровке его описали как «следы инъекционного характера». Это не инъекция. Это резаная старая, грубая, зажившая криво. Кто писал, либо не смотрел, либо хотел, чтобы читали зависимого.

- У Горячева на видео руки были видны?

- Ты у меня спрашиваешь?

- Пока нет исходника. Кусок.

- Добудь.

- Пытаюсь.

- Пытайся быстрее. И не трогай мой замок.

- Твой замок уже трогали.

- Вот поэтому и не трогай. Я хочу потом посмотреть, как они обосрут, когда узнают, что моя дверь грязнее их версии.

Вызов прервался.

На экране Надиного телефона тут же всплыло уведомление. Неизвестный номер. Текст без вложения:

«Вы выбрали дверь. Тело выбрало без вас».

Надя подняла взгляд на пакет. Пустой прозрачный пластик чуть шевелился от сквозняка, как жабра у рыбы, выброшенной на лестницу.

Снизу снова хлопнула дверь. На этот раз поднимались двое. Медленно. Один говорил по телефону слишком громко:

- Да, на месте. Да, Климова здесь.

Тамара Ивановна сверху втянула воздух.

Надя не отошла от двери.

Телефон в её руке продолжал записывать локально.

5. Локально

Морозов приехал в «Последний вход» с пакетом дешёвых пирожков, двумя телефонами в экранирующих мешках и лицом человека, которому уже всё не нравится, хотя он ещё не успел открыть ноутбук. Пирожки он положил на край стола, телефоны - ближе к себе, потом снял куртку и сказал:

- Если кто-нибудь сегодня произнесёт слово «облако», я уйду в лес и буду чинить мох.

Надя стояла у окна и смотрела вниз. Во дворе мигала вывеска ремонта обуви. Свет в ней пропадал на букве «м», и получалось «реонт», что было примерно тем состоянием, в котором находилась вся страна, ведомственные базы и их утро. После подъезда Риты она успела вернуться в контору, передать запись с телефона на старый внешний диск, дважды не дозвониться до Паши, один раз дозвониться до Риты и получить от неё фразу «если ты не привезёшь мне исходник, я вскрыю тебя как информационный носитель».

- Какие телефоны? - спросила Надя.

- Один Рыбина с Кондратьевского. Лазарев успел продать первичный осмотр при их криминалисте и снял копию до того, как район начал изображать санитарную тревогу. Второй - не телефон, а музей боли. Старый аппарат из материалов восемнадцатого года. Не сам исходник, конечно. Выгрузка. Но там есть хвосты по Горячеву.

- Паша где?

- На месте. Пишет объяснение, почему он не дал районным сделать всё быстро и плохо. Они, разумеется, пишут, что он мешал им делать всё быстро и хорошо.

Морозов сел, открыл ноутбук, подключил внешний накопитель. Интернет в конторе был. Потом перестал быть. Потом снова появился, но так скромно, будто зашёл извиниться и уйти.

- Красота, - сказал Морозов. - У нас сегодня цифровая криминалистика в жанре «угадай пакет по запаху».

Надя положила перед ним свой телефон.

- Запись подъезда. Локально. Без синхронизации.

- Уже люблю. Локально - это новое святое. Раньше люди всё пихали в облака, как покойников в общую яму, а теперь внезапно выяснилось, что собственная память иногда надёжнее сервиса с красивым логотипом.

- Что с видео Горячева?

- Сейчас.

Он работал быстро, но без показной магии. Не щёлкал клавишами как пианист на съёмке для бедных. Проверял, ждал, матерился, снова проверял. На экране появлялись папки, журналы, серые строки служебных данных. Несколько раз ноутбук пытался обновить что-то сам, и Морозов говорил ему такие слова, после которых техника, казалось, действительно стыдилась.

- Видео есть, - сказал он наконец. - Не одно. Три попытки записи и отправки. Первая - короткая, двенадцать секунд, ушла частично. Вторая - сорок девять секунд, локально целая, в чате серый прямоугольник. Третья - битая, но звук отдельно живой.

- Почему у него воспроизводилось только до слова «кровь»?

- Потому что приложение пыталось подгрузить потоковую копию, а не локальный файл. Локальный файл у него был, но чат открывал превью, которое развалилось. Человек видит серый прямоугольник и думает: всё пропало. На самом деле всё не пропало. Просто интерфейс сделал из него идиота.

- Преступники это знали?

Морозов поднял глаза.

- Они знали, что он так подумает. Это хуже. Не надо ломать сейф, если человек сам уверен, что ключа нет.

Он включил видео. На экране появился тот же двор, который Надя видела у Горячева на телефоне: жёлтый свет, край машины, рука в перчатке. Изображение дёргалось, звук отставал. Мужской голос говорил торопливо, но достаточно чётко:

«Я, Сергей Алексеевич Горячев, проходил свидетелем по делу восемнадцать-сорок семь... официально погиб двадцать третьего августа две тысячи восемнадцатого года. Тело было не моё. Вещи были мои. Кровь была...»

Видео замерло.

Морозов отдельно открыл звуковую дорожку. На ней голос продолжил, с хрипом, будто человек записывал слишком близко к микрофону:

«...кровь была не моя. Кровь взяли у второго. Он уже был мёртвый. Его звали Матвей. Настоящий Матвей. Я тогда не знал фамилии, потом узнал. Рыбин. Они сделали из него меня, а из меня - его. Мне сказали, это не подмена. Это безопасность свидетеля».

В комнате стало тихо. За окном коротко просигналила машина, кто-то снизу крикнул курьеру, что тот опять перепутал подъезд. Обычная жизнь, которой было всё равно, что на экране человек объясняет собственную смерть.

Надя подошла ближе.

- Дальше.

Морозов включил.

«Стриж сказал, человек видел - это ничего. Пригоден - вот что важно. Если пригоден, будет жить. Если не пригоден, будет доказывать из пакета. Я подписал. Я всё подписал. Там была женщина-эксперт. Не рядом. В бумагах. Подпись была на образце. Мне сказали, эксперт подтвердила, значит, рот закрой...»

Звук пошёл волной, провалился, потом вернулся.

«...теперь они хотят, чтобы я сказал, что Корнеева знала. Что Климова давила. Что Лазарев прикрывал. Я не хороший человек. Я не свидетель защиты. Я просто не хочу второй раз умирать по их расписанию».

Файл закончился на обрыве. Не драматично. Без финальной фразы. Просто звук прекратился, как связь в плохом районе.

Морозов откинулся на стуле.

- Вот теперь у нас хотя бы есть не только мёртвый, но и голос мёртвого, который умер позже собственной смерти. Поздравляю, рабочий день вышел из берегов.

Надя молчала. Она думала не о Горячеве. О Рите. О том, как одна её старая настоящая подпись стояла теперь между телом, бумагой и чужим голосом. О том, что поверить Рите было легко, а проверить её - необходимо. Лёгкое в таких делах всегда стоило слишком дорого.

- Откуда ему пришло сообщение про меня? - спросила она.

- Которое «Климова уже рядом»?

- Да.

Морозов открыл журнал уведомлений телефона Горячева. Несколько строк были пустыми, часть номеров скрыта сервисной маской. Он выделил одну.

- Не обычный мессенджер. Служебная рассылка через шлюз. Не официальный в смысле «доступ открыт всем честным сотрудникам», а такой, знаешь, полуведомственный канал, которым пользуются для уведомлений, повесток, статусов, всякого мусора. Криво прикручен, плохо контролируется, зато с красивой табличкой «доверенный отправитель».

- Можно понять, кто отправил?

- Можно понять, что отправили из контура, который имеет доступ к районной базе вызовов и к списку понятых. Конкретный пользователь спрятан за общей учёткой. Общая учётка, разумеется, не должна существовать.

- Но существует.

- В этой стране общая учётка - это не нарушение, а форма брака.

Он увеличил строку.

- Время отправки странное. Сообщение создано за одиннадцать минут до твоего входа во двор у «Балтийской», а доставлено, когда ты уже стояла рядом. То есть они не просто увидели тебя камерой. Они заранее знали, что ты туда поедешь.

- Маршрут?

- Частично. Твой телефон не вёл себя как дурак, но приложение такси, базовые станции, камера у метро, плюс кто-то видел тебя глазами. Дешёвый суп из всего. Никакого гениального авторского доступа. Просто город дырявый, люди болтливые, базы текут, связь хромает. Они не предсказывают. Они ловят задержку.

- Задержку?

- Да. Вот смотри. Твой вызов Паше прошёл с потерей пакетов, сообщение Рите ушло поздно, фото двери загрузилось и пропало. У Горячева видео висело. У понятой сообщение, скорее всего, тоже пришло не тогда, когда отправили. В нормальной среде это мусор. В такой среде это инструмент. Человек получает угрозу не до события и не после, а в самой точке страха. Ему кажется, что его видят прямо сейчас.

Надя вспомнила лицо Горячева, когда на экране вспыхнуло «Климова уже рядом». Он не просто испугался. Он поверил, что пространство уже принадлежит им. Не телефон. Воздух.

- Что по двум Рыбиным?

Морозов открыл другую таблицу. Лицо у него стало ещё неприятнее.

- Тут лучше сесть.

- Говори.

- У нас два Матвея Сергеевича Рыбина. Один официальный, с документами, выданными два года назад, без постоянной регистрации, временная на Кондратьевском. Это Горячев после смерти. Второй - настоящий Матвей Рыбин, который должен был умереть в восемнадцатом, если верить кускам старого дела. Но по нынешней базе он внезапно жив до сегодняшнего утра и поступает к Рите с Лиговского.

- То есть настоящий Матвей не умер в восемнадцатом?

- По одной базе умер. По другой - не умер. По третьей - умер, но запись исправлена ручной корректировкой без основания. По четвёртой он вообще не должен был иметь полиса после девятнадцатого года, но получил обслуживание в двух местах. Если коротко: его не столько оживили, сколько не дали умереть там, где это было неудобно.

- Для чего?

- Чтобы один и тот же человек мог быть телом, документом и запасной личностью в разных делах. Не одновременно на бумаге для суда, конечно. Там всё будет приличнее. Но в черновой ведомственной грязи - да.

- Свидетельский резерв, - сказала Надя.

Морозов посмотрел на неё.

- Ты это откуда взяла?

- Пока ниоткуда.

Он повернул ноутбук. На экране была старая служебная заметка из выгрузки восемнадцатого года. Всего несколько строк, без шапки, без подписи. В конце стояла пометка:

«С-резерв. Пригодность: управл. Через зависимость/регистрацию/материал».

Надя прочитала один раз. Потом второй.

- Материал - это тело?

- Иногда образец. Иногда вещь. Иногда человек, которого в документах уже считают не совсем человеком.

Морозов сказал это сухо, без пафоса. От этого стало хуже.

Дверь конторы открылась. Паша вошёл мокрый, злой и очень собранный. В руке у него была тонкая папка. Он посмотрел на Морозова, потом на Надю.

- Район успел оформить первичное объяснение понятой.
- Женщины с аптечным пакетом?
- Да.
- Она жива?
- Жива. Испугана. Говорит, что подписала не читая, потому что ей сказали про сына.
- Кто сказал?
- В объяснении этого нет.

Паша положил папку на стол. Надя открыла. Лист был свежий, печать чуть смазана. Текст набран аккуратно, слишком гладко для женщины, которая плакала без звука у тела. Надя пробежала глазами и остановилась на середине.

«Гражданка Климова Н. А. в ходе разговора склоняла меня к изложению сведений о давлении со стороны сотрудников полиции, которых я лично не видела и назвать не могу».

Надя почувствовала, как внутри всё стало очень ровно.

- Она этого не говорила.

- Знаю.

- Ты слышал.

- Слышал.

- И скажешь?

Паша не отвёл взгляда.

- Скажу. Но я также скажу, что ты включила запись до разговора и что она сама назвала давление до твоих вопросов. Если запись сохранилась.

Морозов поднял руку.

- Локально сохранилась. Синхронизации нет, слава всем мёртвым роутерам.

Паша кивнул, но легче не стало.

- Меня тоже вызовут. По твоему контакту с Горячевым. Почему ты была одна, почему не удержала, почему не пошла сразу, что он сказал, что ты сказала, почему я не отстранил тебя от места.

- Говори правду.

- Я и собираюсь.

- Даже если она против меня.

- Надя, она уже против тебя.

Это было сказано без жестокости. Поэтому ударило точнее.

Рита позвонила сама. На экране появилось её имя, но рядом сразу высветилось «слабое соединение». Надя включила громкую связь.

- У меня новость, - сказала Рита. Голос шёл глухо, но держался. - Служебная проверка.

- Уже?

- Уже вчера, если верить бумаге. Мне только что пришло уведомление, что я не явилась для дачи объяснений по нарушению цепочки хранения биоматериала. Время явки - сегодня девять тридцать.

Морозов посмотрел на часы. Было одиннадцать семнадцать.

- Уведомление когда создано? - спросил он.

- В девять ноль две.

- Доставлено?

- Одиннадцать шестнадцать. Спасибо родной связи. Я теперь не только пригодна, но и уклоняюсь.

Рита замолчала. Потом добавила тише:

- И ещё. На мешке второго Рыбина была бирка не из нашего приёмника. Старая серия. Я такие видела в восемнадцатом. Тогда их списали. По документам.

Надя закрыла глаза.

- Не начинай вскрытие без нас.

- Я не начинаю. Я жду. И ненавижу вас всех одинаково, чтобы никому не было обидно. Связь оборвалась.

Морозов снова включил звуковой файл Горячева, перемотал последние секунды и остановил на фразе: «Мне сказали, эксперт подтвердила, значит, рот закрой».

- Вот здесь, - сказал он. - На фоне есть второй голос.

Он поднял шум, убрал часть треска, не красиво, грубо. Из динамика вышла чужая фраза, почти утонувшая в помехах:

«Корнеева не вопрос. Корнеева подпишет, если дать правильный лист».

Рита не слышала эту фразу. Хорошо, что не слышала.

Паша посмотрел на Надю.

- Едем в морг.

Надя взяла папку с объяснением понятий, свой телефон и внешний диск. У двери оставилась.

- Морозов.

- Что?

- Сделай три копии. Не облако.

Он впервые за утро почти улыбнулся.

- Климова, я сейчас расплачусь от профессионального счастья.

За окном вывеска ремонта обуви мигнула и погасла совсем.

6. Не явилась

В морге пахло сильнее, чем утром. Не смертью. Смерть редко пахла сама по себе так прямо, как думают люди, которые видели её только в чужих рассказах. Пахло хлоркой, холодным металлом, дешёвым кофе, влажной бумагой, перчатками, которые закончились по факту и существовали по отчёту, и нервами живых. Нервы всегда давали особый запах. Острый, кислый, почти служебный.

Рита встретила их в коридоре без халата, в одноразовом фартуке, с собранными волосами и таким лицом, что даже Паша не стал здороваться первым. Она посмотрела на Надю, потом на папку в её руке.

- Это на меня?

- Пока на всех.

- Утешила, спасибо. Обожаю, когда меня размазывают коллективно.

- Рита.

- Не начинай голосом человека, который сейчас будет делать больно аккуратно. Я не в настроении.

Надя остановилась перед ней.

- Я привезла файл Горячева.

Рита моргнула. Один раз. Вся злость осталась на месте, но под ней что-то дрогнуло.

- Он успел?

- Да. Не отправил, но записал.

- Локально?

- Локально.

- Господи, благослови старые привычки и недоверие к прогрессу.

Они прошли в секционную. Паша остался у двери на секунду, оформляя допуск. Рита, не оборачиваясь, сказала:

- Лазарев, если там кто-то начнёт говорить про невозможность присутствия, скажи, что я сейчас невозможность ему на лбу подпишу маркером. Синим. Чтобы официально.

- Я передам мягче.

- Не надо мягче. Мягче они потом в объяснениях напишут.

На столе лежало тело из Лиговского. Второй Рыбин. Или настоящий. Или тот, кого бумага на время назначила нужным человеком. Лицо было накрыто, руки открыты. На запястье - бирка с фамилией. Рядом лежала сопроводительная папка, упакованная в прозрачный файл. На файле чёрным маркером Рита написала: «не трогать без видео». Подчеркнула дважды.

В углу стояла камера внутренней фиксации. Красная точка горела. Надя посмотрела на неё.

- Пишет?

- Картинку пишет. Звук вчера отвалился. По заявке всё работает.

- Удобно.

- Очень. Поэтому я поставила старый диктофон. Ему двадцать лет, он страшный, как первая любовь патологоанатома, зато не требует обновлений.

На металлическом столике действительно лежал маленький диктофон с потёртыми кнопками. Рита нажала запись, назвала дату, время, помещение, присутствующих. Голос у неё стал сухим, профессиональным. Мат исчез не потому, что Рита стала спокойнее, а потому что тело требовало другого языка.

- Тело мужчины, по сопроводительным документам Рыбин Матвей Сергеевич, обнаружен Лиговский проспект, предварительная причина - острое отравление, обстоятельства уточ-

няются. Внешний осмотр начат с фиксацией замечаний по сопроводительной документации и целостности маркировки.

Она говорила и работала. Не торопилась. Показывала каждую бирку, каждый номер, каждую складку бумаги. Надя стояла сбоку и смотрела не на тело, а на Риту. На её руки. На то, как она не позволяет злости войти в движение. Вот почему по ней ударили. Не потому что Рита материлась. Потому что в нужный момент её руки становились честнее людей.

- Бирка приёмника не соответствует текущей серии, - сказала Рита. - Серия использовалась ранее, в настоящее время списана. Следов самовольной замены без нарушения крепления визуально не устанавливаю. Что само по себе, блядь, не радует.

Она замолчала на секунду, посмотрела на диктофон.

- Последнее слово прошу считать эмоциональным примечанием эксперта, вызванным качеством окружающей действительности.

Паша у двери коротко кашлянул. Надя не улыбнулась.

Рита сняла покрытие с лица. Описание пошло дальше. Без лишних подробностей. Возраст, телосложение, состояние кожных покровов, признаки, которые можно было сказать вслух. Потом она взяла левую руку мужчины и повернула предплечье к свету.

- Вот, - сказала она уже не в диктофон.

На коже шёл старый рубец. Неровный, втянутый, давно заживший. Рядом были следы, которые в сопроводилровке называли инъекционными. Рита показала пинцетом, не касаясь лишнего.

- Видишь?

- Вижу.

- Это не свежий след употребления. И не та картина, которую они хотят. Тут можно написать красиво: «имеются множественные следы инъекционного характера». Суд проглотит, если никто не будет смотреть. Но если смотреть, эта история начинает вонять ещё до токсикологии.

- А токсикология?

- Образцы взяты до поступления ко мне. Якобы. Сопроводилровка говорит, что всё опечатано и передано. Фактически один пакет переклеен.

- Нарушение цепочки хранения.

- Спасибо, Климова, я как раз забыла, как называется нож у меня под ребром.

Паша подошёл ближе.

- Рита, если образцы уже взяты до тебя, тебя хотят сделать подтверждающим звеном.

- Да ладно. А я думала, меня сегодня пригласили на праздник тела.

Она резко посмотрела на него, потом устало выдохнула.

- Извини. Ты не виноват. Просто у тебя лицо человека, которому можно сказать гадость и он не сразу ударит.

- Это спорно.

- Запиши в протокол.

Надя положила на стол внешний диск.

- Там голос Горячева. Он говорит, что кровь была не его. Что кровь взяли у второго Матвея.

Рита не потянулась к диску.

- Сейчас я не слушаю.

- Почему?

- Потому что сначала тело. Если я сейчас услышу голос, я начну видеть то, что он просит меня видеть. А мне нельзя. Я должна увидеть то, что есть. Потом буду ненавидеть себя с полной аудиодорожкой.

Надя кивнула. Это был правильный ответ. Холодный. Профессиональный. Ритин.

Осмотр продолжался. Рита фиксировала несоответствия, одно за другим. Время поступления не билось с состоянием тела. Температура выглядела слишком ровной для того маршрута, который был в бумаге. Одежда была влажной снаружи, но не так, как после парадной на Лиговском. Под ногтями не было той грязи, которую должна была дать лестница. На подошвах - следы другого покрытия, мелкая светлая пыль, не подъездная.

- Его принесли в Лиговский не с Лиговского, - сказала Рита.

- Склад? - спросил Паша.

- Или гараж. Или помещение с бетонной пылью. Не фантазируйте без меня, я сама люблю.

Она сняла фото на служебную камеру, потом на отдельный аппарат, который достала из ящика. Старый фотоаппарат, не подключенный ни к чему. Вспышка ударила белым светом.

- Ты теперь тоже локально? - спросила Надя.

- Я теперь параноик с функцией макросъёмки.

Дверь секционной открылась без стука. Вошёл мужчина в светлой куртке и с папкой. За ним - Лида, бледная и злая. Лида явно пыталась его остановить, но он прошёл так, будто запреты были для людей без должности.

- Корнеева Римма Викторовна? - спросил он.

Рита медленно повернулась.

- Рита. Если вы пришли меня отстранить, хотя бы имя моё выучите. Это несложно, там четыре буквы, две из них повторяются.

Мужчина не смутился.

- Старший инспектор служебной проверки, Агеев. Вам направлялось уведомление о явке для дачи объяснений.

- Я получила его после времени явки.

- В системе зафиксирована доставка.

- В системе много чего зафиксировано. У нас в системе перчатки есть.

Агеев открыл папку.

- Факт неявки зафиксирован.

Паша шагнул вперёд.

- Лазарев, Следственный комитет. Уведомление доставлено с задержкой. Телефон и ведомственный канал подлежат проверке. Корнеева находилась при исполнении, на рабочем месте.

- Я не к вам.

- Теперь ко мне тоже.

Агеев посмотрел на тело, на диктофон, на камеру, на Надю. Узнал её. Разумеется, узнал.

- Надежда Александровна, ваше присутствие здесь на каком основании?

- На плохом.

- Юридически.

- Связь между двумя трупами под одним именем, живым контактом с одним из них до смерти, старым делом восемнадцатого года и подписью Корнеевой на маркировке биоматериала. Выберите, что вам неприятнее.

Агеев не ответил. Положил на стол лист.

- Корнеева Р. В. временно ограничивается в доступе к материалам, связанным с делом восемнадцать-сорок семь, до завершения проверки.

Рита посмотрела на лист. Потом на тело.

- Вы охренели?

- Прошу соблюдать форму.

- Я соблюдаю. Это форма. Краткая.

Надя взяла лист не рукой, а через чистую салфетку за угол, повернула к свету.

- Время ограничения - десять сорок пять.

- Да, - сказал Агеев.
- Сейчас одиннадцать пятьдесят две.
- Документ вступил в силу с момента подписания.
- Рита получила уведомление в одиннадцать шестнадцать.
- Это вопрос доставки.
- Нет. Это вопрос пригодности. Её делают нарушителем задним числом через задержку доставки.

Агеев посмотрел на неё впервые по-настоящему.

- Вы любите большие слова.

- Нет. Я люблю маленькие несоответствия. Они честнее больших слов.

Рита вдруг тихо сказала:

- Надя.

Надя повернулась.

Рита стояла у стола и смотрела на бирку тела. Не на Агеева. Не на лист. На маленький кусок пластика у запястья второго Рыбина.

- Что?

- Я думала, серия старая. Просто старая. Но это не приёмник.

Она наклонилась, подсветила бирку фонариком. На обратной стороне, почти у края, была маленькая выдавленная маркировка. Не печать. Не номер морга. Три символа, едва заметные на пластике:

«С-Р».

Морозов, стоявший в дверях с ноутбуком под мышкой, сказал очень тихо:

- Свидетельский резерв.

Агеев закрыл папку.

- Осмотр прекращается.

- Нет, - сказала Рита.

Он посмотрел на неё холодно.

- Вы ограничены в доступе.

Рита сняла перчатки медленно, так, чтобы не сорвать движение. Бросила их в контейнер. Потом включила диктофон ближе к себе.

- Эксперт Корнеева Р. В. фиксирует попытку прекращения осмотра тела с признаками нарушения маркировки и несоответствия сопроводительной документации. На требование прекратить осмотр отвечаю: отказ. Основание - риск утраты доказательственного значения объектов и невозможность восстановления первичной картины после передачи тела.

- Вы понимаете последствия? - спросил Агеев.

Рита посмотрела на него. В лице у неё не было храбрости. Храбрость вообще редко выглядит красиво. Там была злость, страх и упрямое профессиональное презрение к людям, которые пришли между телом и её глазами.

- Я понимаю, что тело уже здесь. А вы пришли позже бумаги.

В этот момент у всех почти одновременно завибрировали телефоны. Не звонок. Уведомление.

Надя посмотрела на экран.

Сообщение от неизвестного номера пришло без задержки, чётко, будто для него связь в здании внезапно стала идеальной.

«Свидетель Корнеева отказалась исполнить законное требование».

Под текстом было вложение. На этот раз оно загрузилось сразу.

Фотография Риты в секционной. Снято сверху, с камеры без звука.

Агеев поднял глаза к красной точке в углу.

Камера продолжала писать.

Только теперь стало ясно, что смотрит она не туда, куда должна была смотреть.

7. Красная точка

Камера в углу горела маленькой красной точкой, слишком ровной для старого морга. В помещении, где половина ламп дрожала от сырости, где розетки держались на чужой молитве и изолянте, эта точка выглядела почти наглой. Она не мигала, не зависала, не теряла связь. Работала чисто. Смотрела.

Рита первой подняла голову. Потом медленно повернулась к Агееву.

- Это что за херня?

Агеев даже не сразу понял, что вопрос к нему. Или сделал вид, что не понял. В таких людях Надя особенно не любила паузу перед ответом. Она была не растерянностью, а выбором формулировки.

- В помещении ведётся видеонаблюдение, - сказал он. - Служебная безопасность.

- Служебная безопасность у нас висит над дверью, - сказала Рита. - Старая, слепая и пишет максимум затылки. А это новая. И смотрит на стол.

Морозов уже стоял под камерой, не прикасаясь к ней. Он смотрел не на объектив, а на кабель, уходящий в пластиковый короб. Лицо у него было такое, будто он увидел дохлую крысу в системном блоке и теперь решал, хоронить её или допросить.

- Она не на штатном питании, - сказал он.

Агеев посмотрел на него.

- Вы кто?

- Человек, который знает, чем провод отличается от лапши.

- Посторонним лицам запрещено вмешиваться в работу технических средств учреждения.

- Я и не вмешиваюсь. Я скорблю.

Паша шагнул между ними прежде, чем Агеев успел сделать из этой реплики отдельную проблему.

- Камера указана в схеме помещения?

- Это вопрос не ко мне.

- Теперь к вам. Вы пришли с проверкой, в помещении обнаружено неучтённое средство фиксации. Вы его заметили после того, как всем пришло сообщение с изображением Корнеевой. Значит, либо вы фиксируете нарушение, либо становитесь частью его сокрытия.

Агеев чуть сузил глаза. Он не был глупым. Это усложняло разговор.

- Я фиксирую, что эксперт Корнеева отказалась исполнить требование служебной проверки.

- Сначала зафиксируйте камеру.

- Не надо мне указывать порядок действий, Лазарев.

- Тогда хотя бы сделайте вид, что порядок у вас есть.

Рита коротко хмыкнула, но без радости. Она снова посмотрела на тело. Её диктофон лежал рядом, маленький, чёрный, смешной против красной точки в углу. Рита потянулась к нему и повторила сухим голосом:

- Эксперт Корнеева Р. В. продолжает внешний осмотр. В помещении выявлено неучтённое средство видеозаписи, ориентированное на рабочую зону секционного стола. Схема размещения камер на момент начала осмотра мне не предъявлялась. Доступ к записи не обеспечен. Принимаю к сведению риск несанкционированной фиксации и продолжаю, потому что тело, в отличие от служебной проверки, уже не подождёт.

- Корнеева, - сказал Агеев.

- Что, Агеев? Я ещё не матерюсь в протокол. Уважайте мой профессиональный рост.

Надя не вмешивалась. Ей нужно было видеть лица. Агеев смотрел на Риту с раздражением, но не с ненавистью. Паша - на Агеева, удерживая коридор. Морозов - на короб под потолком. Рита - на тело. Вся комната разошлась по ролям так быстро, будто кто-то давно раздал им эти роли и теперь проверял, кто сорвётся первым.

Телефон Нади вибрировал в ладони. Сеть в морге снова стала плохой. Значок передачи данных появлялся, исчезал, возвращался с маленькой буквой, которой современный человек стыдился почти как бедности. Сообщение с фотографией Риты всё ещё висело в чате. Под ним появилась строка: «переслано много раз». Это было невозможно и поэтому почти ожидаемо.

Она показала экран Морозову.

Он глянул один раз.

- Не трогай. Экран не блокируй. Потом снимем.

- Оно уже переслано.

- Конечно. Они же не угрожают. Они строят аудиторию.

Агеев услышал и повернул голову.

- Какая аудитория?

- Та, для которой Корнеева уже нарушила, - сказал Морозов. - Ещё до того, как кто-нибудь понял, что нарушили вы.

- Вы сейчас делаете серьёзное заявление.

- Нет. Серьёзное я делаю матом. Это пока предварительная техническая ненависть.

Паша жестом остановил Морозова. Тот послушался, но только телом. Лицо продолжало ругаться.

Рита тем временем подняла левую руку Рыбина. Или того, кого пока приходилось называть Рыбиным, потому что язык тоже зависел от бумаги. На предплечье старый рубец тянулся криво, не инъекционной точкой, не линией обычной бытовой травмы. Рита подсветила его фонариком.

- Вот это видите?

- Следы инъекций, - сказал Агеев по папке.

Рита даже не посмотрела на него.

- Папка у вас, конечно, зрячая, но я всё-таки спросила живых. Лазарев?

Паша наклонился.

- Резаная рана. Старая. Ровного края нет. Заживление грубое.

- Климова?

Надя подошла ближе. Кожа вокруг рубца была плотнее, светлее, с неровным втяжением. Не медицинская картинка. Чужая старая боль, которой кто-то придал удобное объяснение.

- Его писали зависимым, - сказала она.

- Его готовили зависимым, - ответила Рита. - Это разные способы смотреть на человека.

Слово «готовили» зависло над столом хуже запаха хлорки.

Рита осмотрела кисти. Под ногтями было мало грязи. Слишком мало для человека, который якобы умер в подъезде после уличного вещества и падения. На правом большом пальце кожа была содрана аккуратно, почти сухо, как после недавнего грубого снятия пластыря или датчика. Рита отметила это на диктофон, потом попросила Пашу сфотографировать.

- На мой аппарат, - сказала она. - Не на их. И без этих ваших синхронизаций в райские облака.

Паша достал служебный телефон, потом свой старый, уже потрёпанный, с трещиной в углу. Рита показала на второй.

- Вот этот. Он выглядит так, будто ему можно доверять хотя бы из жалости.

- Он без доступа к делу.

- Прекрасно. Значит, дело его пока не испортило.

Агеев резко закрыл папку.

- Я повторяю: осмотр должен быть прекращён до выяснения обстоятельств допуска эксперта.

- Осмотр будет продолжен, - сказал Паша.

- На каком основании?

- На том, что тело находится в экспертном учреждении, признаки нарушения маркировки выявлены до вашего требования, а прекращение сейчас создаст риск утраты следов. Если хотите - оформляйте моё несогласие.

- Оформим.

- Отлично. Только пишите разборчиво. У нас сегодня слишком много людей умерло от плохого текста.

Надя услышала в Пашином голосе усталость. Не слабость. Опасную ровность человека, который уже решил, что будет говорить правду, даже когда она станет неудобной. Она знала этот тон и не любила его. После такого тона люди обычно оставались одни в коридоре с протоколом, где каждое слово становилось не защитой, а новым краем.

Телефон Агеева завибрировал. Он посмотрел на экран и слишком быстро убрал аппарат в карман. Надя стояла достаточно близко, чтобы увидеть только две строки: «Олег Павлович» и «не спорить в помещении».

Не фамилия. Но ей хватило.

- Вам подсказывают? - спросила она.

Агеев поднял на неё глаза.

- Надежда Александровна, у вас нет статуса в этой проверке.

- У меня сегодня вообще с этим плохо. То свидетелем пугают, то посторонней называют.

Определитесь, чтобы я знала, где стоять.

- Лучше за дверью.

- Поздно.

Рита тихо сказала:

- Надя.

Это было не предупреждение. Просьба. Очень короткая, почти не похожая на просьбу. Надя повернулась к ней.

Рита держала в руке прозрачный пакет с биркой, которую сняла с запястья тела только после фотофиксации. На обратной стороне «С-Р» читалось теперь ясно. Рядом с выдавленными буквами была ещё одна метка - маленькая цифра «18», почти стёртая, как след ногтя на пластике.

- Восемнадцатый, - сказала Рита. - Та самая серия. Их списали после служебной ревизии.

По акту. Я видела этот акт.

- Подписывала? - спросила Надя.

Рита посмотрела на неё.

В помещении стало слишком тихо. Даже вентиляция будто решила не мешать.

- Ты сейчас как спросила? - произнесла Рита.

- Как надо.

- Ты мне веришь?

- Сейчас это самый дешёвый вопрос.

Рита побледнела не лицом, а глазами. В них ушло что-то тёплое, не дружеское даже, а привычное. Надя увидела, как это уходит, и не остановилась. Иногда работа была похожа на то, как вытаскиваешь из раны стекло голыми пальцами: больно тому, у кого рана, и тому, кто лезет.

- Ты подписывала акт списания? - повторила она.

- Я подписывала приложение к ревизии. Не акт. Там были расходники, маркировка, старые бирки, контейнеры. Мне дали сверить фактическое наличие по секционной. Я сверила. Я не отвечала за движение после списания.

- Но подпись была.

- Была.

- Значит, они могут положить её рядом с этой биркой.

Рита сжала пакет так резко, что пластик хрустнул.

- Они могут положить рядом хоть моё свидетельство о рождении. Это не значит, что я рожала этот пакет.

- Для бумаги достаточно, что ты его видела.

- Для бумаги много чего достаточно.

- Поэтому я спрашиваю.

Рита отвернулась первой. Не потому что проиграла. Потому что если бы продолжила смотреть, сказала бы лишнее. Надя знала. Рита тоже знала. Между ними впервые за всё утро появился не страх за дело, а личная злость. Нормальная, живая, заслуженная.

Агеев воспользовался паузой.

- Вы сами подтверждаете наличие подписи в документах ревизии.

Рита медленно повернулась к нему.

- Я подтверждаю, что вы умеете слышать только то, что можно засунуть в служебку.

- Это будет отражено.

- Отразите. Только морду свою сначала протрите, а то зеркало обидится.

Паша коротко выдохнул. Морозов сделал вид, что смотрит на кабель. Надя не улыбнулась.

Дверь секционной открылась, и в проём заглянула молодая лаборантка в маске. Глаза у неё были испуганные, над переносицей краснел след от резинки. Она держала в руках тонкую папку.

- Рита Викторовна...

- Что?

- Из архива подняли по вашему запросу. Только оно странно пришло. Не через внутреннюю, а на общий принтер. Я забрала.

- Давай.

Лаборантка не вошла. Посмотрела на Агеева, на камеру, на Надю, потом всё-таки сделала три шага и протянула папку Рите. Рука у неё дрожала.

На первом листе была копия приложения к ревизии за 2018 год. Таблица, номера, сухая канцелярская пыль. Внизу - подпись Риты. Настоящая. Нервная, быстрая, слегка заваленная вправо. Надя уже видела такую на десятках заключений.

На втором листе была другая шапка. Не ревизия. Дело 18-47. Приложение к заключению о принадлежности биологического материала.

Под ним стояла та же подпись.

Точнее, та же подпись была вложена в другой смысл.

Рита взяла лист двумя пальцами. Очень спокойно. Слишком спокойно.

- Вот это я не подписывала.

Агеев наклонился.

- Подпись совпадает.

- Подпись совпадает, потому что её взяли с первого листа.

- Это ваше предположение.

- Нет, - сказал Морозов.

Все посмотрели на него.

Он стоял у камеры, но смотрел уже на лист. Лицо у него стало почти счастливым от чистой злости.

- Это не предположение. У второй подписи края ксерокса грязнее, чем у текста вокруг. Серый ореол. Растр другой. Её не подделали рукой. Её перенесли как картинку. Тупо, грязно, с любовью к канцелярскому сканеру.

- Вы эксперт? - спросил Агеев.

- Сегодня все свидетели, нет?

Паша забрал у Риты папку, не вырывая. Сфотографировал оба листа на свой старый телефон. Экран задумался, потом сообщил, что памяти почти нет.

- Не сейчас, - сказал Паша телефону.

Телефон послушался.

Из коридора донёсся звук принтера. Один лист. Потом второй. Потом длинная пауза. Потом ещё один.

Лаборантка, всё ещё стоявшая у двери, вдруг сказала:

- Я не отправляла это на печать.

Рита подняла глаза.

- Что именно?

- Ничего. Я только забрала то, что уже лежало. А сейчас он опять печатает.

Морозов вышел первым. За ним Паша. Надя задержалась на секунду у Риты.

- Рит.

- Не надо.

- Я должна была спросить.

- Знаю.

- Тогда почему ты...

- Потому что знать и хотеть дать тебе в челюсть - разные нормальные человеческие процессы. Не путай.

Надя кивнула. Это было честнее прощения.

В коридоре принтер стоял на тумбе под старым плакатом о санитарной безопасности. Из него медленно вылезал лист. Бумага цеплялась краем, механизм жевал её с тихим влажным шорохом.

Морозов вытащил лист, не касаясь напечатанного поля. На странице было всего четыре строки:

«Корнеева Р. В.

Достоверность свидетельства: управляемая.

Статус: пригодна.

Ограничение допуска: инициировано».

Ни подписи. Ни шапки. Ни исходящего номера.

Только в правом нижнем углу стояла маленькая служебная метка печати:

«СТР-ОП».

Паша посмотрел на Надю.

- Олег Павлович.

Из секционной донёсся голос Риты:

- Если этот Олег Павлович сейчас живой, передайте ему: я его тоже когда-нибудь распечатаю. Желательно послонно.

Никто не засмеялся.

Красная точка в углу продолжала гореть.

8. Передумал

Суханов приехал в старый отдел без звонка. Так было быстрее и честнее. Когда люди успевали подготовиться, они начинали говорить правильно, а правильная речь в ведомственном здании часто означала, что где-то уже убрали грязную папку, пересадили испуганного сотрудника в дальний кабинет и сменили пароль на компьютере, который не должен был существовать.

На проходной его узнали не сразу. Потом узнали слишком хорошо.

- Игорь Михайлович, вы к кому?

- К памяти, - сказал Суханов. - Она здесь ещё числится?

Дежурный не понял и поэтому сделал вид, что понял. Это был старый способ выживания в отделах: на странную фразу старшего отвечать уважительной тишиной. Суханов расписался в журнале, где страницы пахли пылью, дешёвой пастой и руками людей, которые годами писали одно и то же. Телефон у него ловил одну полоску. На экране висело недоставленное сообщение от Лазарева: «Агеев вышел на Стр...» Дальше не загрузилось.

Суханов сунул телефон в карман. Хватит. Если связь решила молчать, он поговорит с теми, кто ещё не умеет зависать.

Архив в этом отделе был не подвалом, а комнатой без окон на втором этаже. Там стояли металлические шкафы, старые папки и женщина по фамилии Лычкина, которую Суханов помнил лет двадцать. Она почти не изменилась, только стала меньше, суше и злее. Такие женщины переживали реформы, начальников, проверки, ремонт, грибок на стенах и мужчин с очень важными лицами. Их редко повышали, зато без них ведомство забывало, где у него позвоночник.

- Игорь Михайлович, - сказала Лычкина. - Вы опять без запроса.

- Я с лицом.

- Лицо у вас плохое.

- Другого не выдали.

Она посмотрела на него поверх очков.

- Что ищем?

- Дело восемнадцать-сорок семь. Горячев Сергей Алексеевич. Август восемнадцатого. Свидетель, который официально погиб.

Лычкина не шелохнулась. Только пальцы на папке замерли.

- А с чего вы решили, что оно у нас?

- Потому что вы спросили не «кто это», а «с чего решили».

- Вы всегда были неприятный.

- С возрастом стараюсь держать форму.

Она встала, пошла к дальнему шкафу, достала ключ из кармана халата. Халат был не медицинский, а архивный, серый, с пятнами тонера. Ключ повернулся туго. Суханов стоял у стола и смотрел на её спину. Он уже знал, что дело есть. Теперь нужно было понять, кто успел побывать здесь раньше.

Лычкина вернулась с тонкой папкой. Слишком тонкой для дела, где человек погиб, свидетель исчез, а тело стало чужим. Положила перед ним.

- Опись неполная, - сказал он, даже не открыв.

- А вы ещё не смотрели.

- Я по весу.

- Вот за это вас и не любили.

- Меня много за что не любили.

Он открыл папку. Первые листы лежали ровно. Постановление, рапорт, объяснение. Ксерокопии с серой полосой у края. Потом - протокол допроса Горячева. Живой Сергей Алексеевич тогда говорил сухо, коротко и так испуганно, что страх проступал даже через бумагу. Видел машину. Видел двух людей. Видел, как один передал пакет, второй не взял сразу. Видел лицо сотрудника. Не полностью. Бок, шрам у уха, кольцо на пальце. Потом подпись.

Дальше был лист с отказом от дополнительных показаний.

Суханов его помнил.

Не весь. Бумагу не помнил, формулировки не помнил, кабинет не помнил. Но помнил ощущение: молодой свидетель, грязный коридор, задержанный вдох, старший опер, который сказал тогда: «Передумал парень. Не давите, Игорь Михайлович, он и так весь развалится». Суханов тогда не стал давить. В деле хватало других следов, начальство торопило, свидетель был слабый, зависимый от временной работы и чужого угла. Ему казалось, что он оставляет человеку шанс выжить.

Он прочитал отказ.

«Сведения, сообщённые ранее, считаю ошибочными. В состоянии стресса мог неверно воспринять обстоятельства. Дополнительные показания давать не желаю. Претензий к сотрудникам не имею».

Подпись Горячева дрожала.

Внизу стояла служебная отметка: «Свидетель непригоден к дальнейшему процессуальному использованию. Рекомендовано исключить из активной работы».

Суханов медленно поднял глаза.

- Это кто написал?

Лычкина молчала.

- Вера Петровна.

- Я не следователь.

- Я тоже сейчас не на исповеди.

Она подошла ближе, посмотрела на лист.

- Пометка была не в основном деле. Внутренняя. Её потом велели убрать.

- Кто?

- Тогдашний зам. Через оперов. Фамилию вы знаете.

- Стрижев?

Лычкина сняла очки. Протёрла их краем халата, хотя они были чистые.

- Тогда он ещё был Стриж. Так его называли. Быстрый был. Тихий. Не из тех, кто ломает дверь. Он заходил через канцелярию, через дежурку, через девочек, через тех, кто печати ставит. У него всегда всё выходило не приказом, а просьбой. От таких хуже.

Суханов снова посмотрел на лист. «Непригоден». Не «боится», не «под угрозой», не «нуждается в защите». Непригоден.

- Почему я этого не видел?

Лычкина усмехнулась без улыбки.

- Потому что вам показывали дело. А это было про дело рядом.

Он перевернул страницу. Следующий лист оказался копией медицинского документа. Анализ крови, сопроводительный номер, отметка о передаче биоматериала. Подпись эксперта внизу была плохой копией. Суханов не знал тогда Риту так близко, как сейчас, но подпись уже казалась чужой. Слишком чисто вырезанной из другого места.

- Корнеева? - спросил он.

- Она тогда была младше и громче.

- Она это подписывала?

- Что-то подписывала. Все что-то подписывали. Восемнадцатый год, Игорь Михайлович.

Тогда всем казалось, что если бумага мелкая, значит, вреда не будет.

Суханов закрыл глаза на секунду.

Вред всегда любил мелкую бумагу.

Телефон в кармане ожил. Сообщение от Лазарева догрузилось полностью:

«Агеев вышел на Стрижева. По Рите инициировали ограничение допуска. Нужны старые материалы по 18-47. Срочно».

Суханов посмотрел на экран и тихо сказал:

- Ну здравствуй, срочно. Ты как всегда после.

Лычкина подняла бровь.

- Плохая связь?

- Плохая эпоха.

Она не стала спорить.

Суханов сфотографировал листы на старый аппарат, который держал отдельно от служебного. Аппарат был кнопочный, глупый и поэтому почти честный. Фотографии выходили плохими, зато не пытались сами стать лучше за счёт неизвестного сервиса. Лычкина молча смотрела.

- Вы понимаете, что я вас не видела? - сказала она.

- Понимаю.

- И папку вы не брали.

- Не брал.

- И копии не делали.

- Какие копии, Вера Петровна. У вас же принтер зажёвывает через лист.

Она почти улыбнулась. Потом достала из нижнего ящика маленький конверт. Бумажный, старый, без надписи. Положила рядом с делом.

- Это не из папки.

- Откуда?

- Из стола прежней начальницы канцелярии. После её смерти разбирали. Я оставила, потому что не поняла, куда класть.

- И много у вас такого непонятого?

- В этой работе всё непонятое живёт дольше понятного.

В конверте была тонкая полоска фотобумаги. Распечатка с камеры, чёрно-белая, мутная. Коридор отдела. На переднем плане молодой Горячев, лицо в пол-оборота. Рядом человек в куртке с поднятым воротником. Лица почти не видно, но ухо было видно хорошо. Шрам у уха. И кольцо на пальце правой руки.

Суханов вспомнил старый допрос Горячева. Шрам у уха. Кольцо.

- Он видел своего опера, - сказал Суханов.

Лычкина не ответила.

- Не наркосбытчика. Не курьера. Своего.

Она всё равно молчала. Молчание архивных женщин иногда было точнее показаний.

Суханов положил фото в папку, потом вынул обратно и сфотографировал. Забрать не мог. Пока не мог. Если заберёт, они узнают, что старое дело проснулось. Если оставит, они могут убрать. Любой выбор был плохим. Он выбрал тот, который давал несколько часов.

- Кто ещё спрашивал это дело? - спросил он.

Лычкина подошла к журналу выдачи. Перевернула две страницы.

- Официально никто.

- А неофициально?

- Вы же знаете, у нас всё официально.

- Вера Петровна.

Она ткнула пальцем в пустую строку между двумя записями. Там не было фамилии. Только слабый отпечаток от предыдущей страницы. Если смотреть сбоку, проступали буквы: «СТР».

- Вчера, - сказала она. - После обеда. Пришёл молодой из служебной. Сказал, сверка фонда. Я сказала, запрос. Он сказал, потом донесут. Я сказала, потом и вынесу. Он ушёл. Через час позвонили сверху. Сказали, не мешать технической сверке. Я дала не дело. Я дала пустой короб.

Суханов посмотрел на неё с уважением.

- И что в коробе?

- Старая инструкция по противопожарному режиму. Пусть просвещаются.

- За это вас тоже не любили.

- Меня до сих пор не любят. Очень бодрит.

В коридоре хлопнула дверь. Шаги прошли мимо архива, остановились, вернулись. Суханов накрыл папку ладонью. Лычкина убрала конверт в ящик. Всё произошло так быстро, что если бы кто-то вошёл, увидел бы двух пожилых людей, которые просто слишком долго смотрят на пыльную бумагу.

Дверь открылась. В проёме стоял молодой сотрудник в форме. Лицо незнакомое, кожа слишком гладкая для места, где люди обычно быстро покрывались серым налётом усталости.

- Вера Петровна, вас начальник зовёт.

- Скажи начальнику, что я умерла.

Парень растерялся.

- Что?

- Шучу. У нас тут чувство юмора старое, как ваша форма. Иди, сейчас буду.

Он посмотрел на Суханова.

- А вы...

Суханов поднялся. В полный рост он всё ещё умел занимать лишнее место в маленькой комнате.

- А я уже ухожу.

Парень отступил. Не от страха. От рефлекса. Суханов вышел в коридор, прошёл мимо него и только у лестницы достал телефон. Связь появилась. Сразу много. Слишком много для здания, где минуту назад не грузилось ничего.

Пришло три сообщения.

От Паши:

«Риту ограничивают. Бумага с меткой СТР-ОП. Морозов говорит, подпись перенесли».

От Нади:

«Нужен Горячев до отказа. Кто был рядом?»

И с неизвестного номера:

«Вы один раз уже дали свидетелю передумать. Не мешайте ему молчать второй раз».

Суханов остановился на лестнице. Сверху пахло мокрой штукатуркой и дешёвым табаком. Снизу кто-то смеялся в дежурке, обычным плоским смехом людей, которым пока не прилетело.

Он набрал Надю. Вызов сорвался. Набрал Пашу. Сорвался. Тогда он записал голосовое, ненавидя сам способ, и сказал коротко:

- Горячев в восемнадцатом видел своего. Пометка «непригоден» была внутренняя. Стрижев рядом. Я еду к вам.

Голосовое не отправилось. Повисло одной галочкой. Суханов посмотрел на неё и убрал телефон.

Иногда одна галочка выглядела как издевательство над всей процессуальной системой.

На выходе из отдела его догнал тот самый молодой сотрудник.

- Игорь Михайлович.

Суханов повернулся.

Парень протянул сложенный вчетверо лист.

- Вера Петровна просила передать. Сказала, вы забыли инструкцию.

Суханов взял. Парень не смотрел ему в глаза.

На улице Суханов развернул лист под козырьком. Это была не инструкция. Копия внутреннего списка из дела 18-47. Шесть фамилий. Напротив каждой - короткая пометка.

Горячев С. А. - непригоден / замена.

Рыбин М. С. - материал.

Зяблицев Е. В. - управл.

Шилова Н. П. - мать / давление.

Кузьмин А. Р. - понятой / повтор.

Корнеева Р. В. - эксперт / пригодна.

Последняя строка была обведена карандашом.

Суханов стоял под козырьком, пока дождь стучал по пластиковому навесу. Потом сложил лист, убрал во внутренний карман и пошёл к машине.

Голосовое всё ещё не отправилось.

9. Одна галочка

В «Последнем входе» стало тесно от людей, бумаги и плохих новостей. Так всегда бывало, когда дело начинало собираться не вокруг одного трупа, а вокруг способа делать трупы удобными. На столе лежали копии из морга, распечатка с меткой «СТР-ОП», фотографии бирки «С-Р», скриншоты уведомлений, объяснение Тамары Ивановны, лист из старого дела, который Суханов привёз мокрым по краю, потому что дождь всё-таки добрался до внутреннего кармана.

Рита сидела у стены, не снимая куртки. Она приехала не сразу. Сначала осталась в морге, добилась фиксации камеры, обматерила двух людей, которые пытались заменить её сменным экспертом, и только потом дала себя вытащить. На лице у неё держалась та самая рабочая ярость, которая выглядела крепко, пока не замечаешь, что человек уже давно не моргает.

Надя стояла у доски и прикрепляла листы магнитами. Магниты были старые, рекламные, от аптек и доставки воды. Один всё время сползал. Надя ловила его пальцем, возвращала на место и думала, что даже доска сегодня свидетельствует с задержкой.

- Корнеева Р. В. - эксперт / пригодна, - прочитал Морозов. - Как мило. Меня когда-нибудь тоже внесут? «Морозов - технарь / вреден / кусается».

- Ты не свидетель, - сказала Рита.

- Слава богу. Я и человеком-то по утрам не всегда согласен быть.

Паша стоял у окна. Он говорил по телефону с кем-то из своих, но связь резала разговор так, что фразы превращались в кости без мяса:

- ...нет, не изымаете без постановления... да, камера... я сказал, камера... нет, Корнеева не скрылась... потому что я её вижу, вот почему...

Вызов оборвался.

Паша посмотрел на экран, потом на всех.

- Они оформляют, что Рита покинула место проверки до окончания объяснений.

Рита подняла руку.

- Передайте им, что место проверки покинуло реальность до моего прибытия.

- Им не передать. Они слушают только то, что можно приложить.

- Приложи им мою усталость. Она уже килограмма три весит.

Надя взяла лист Суханова. Шесть фамилий. Горячев, Рыбин, Зяблицев, Шилова, Кузьмин, Корнеева. Это было ещё не доказательство. Это была грязная карта. Но у грязных карт есть преимущество: они показывают, где люди ходили на самом деле, а не где потом провели асфальт.

- Кто такая Шилова? - спросила она.

Суханов сидел у края стола, большой, мокрый, уставший. Перед ним стоял пластиковый стакан с кофе, к которому он ни разу не прикоснулся.

- Наталья Павловна Шилова. Мать Зяблицева. В восемнадцатом проходила по делу как свидетель косвенно. Видела, как сына забирали после разговора с Горячевым. Потом дала объяснение, что сын сам ушёл и давно употреблял. Через неделю отказалась от слов. Потом передумала обратно. В деле осталась последняя версия.

- Где она сейчас?

- Последний адрес - на Кондратьевском. Не тот, что у Рыбина, соседний дом. Я её тогда не дождал.

Он сказал это без оправдания. Просто положил на стол свою старую ошибку.

Надя посмотрела на Пашу.

- Проверим.

- Я уже пробил. Жива. Пенсия. Телефон старый. В базе участкового пометка: «склонна к жалобам, эмоционально нестабильна». Последнее обращение - месяц назад. Писала, что возле

подъезда снова видела человека, который «увёл Егора». Заявление списано в участковую профилактику.

- Кто списал?

Паша посмотрел в телефон.

- Сейчас открою.

Телефон подумал, показал пустой белый экран и значок загрузки.

Морозов глянул через плечо.

- Величие цифрового государства. Бумажную бабку объявили нестабильной быстрее, чем база открывает фамилию того, кто это сделал.

- Потом откроется, - сказал Паша.

- Да. Когда она уже уедет, умрёт или передумает.

Слово «передумает» легло на комнату тяжело. Суханов опустил глаза.

Надя взяла телефон.

- Звоним.

Номер Шиловой ответил не сразу. Сначала пошли длинные гудки, потом странный треск, потом женский голос, старый, низкий от усталости:

- Да.

- Наталья Павловна? Меня зовут Надежда Климова. Я занимаюсь делом Сергея Горячева и Егора Зяблицева.

На той стороне стало тихо. Не пусто. Именно тихо, как в комнате, где человек закрыл ладонью рот.

- Кто вам дал мой номер?

- Люди, которые хотят, чтобы вы были живы.

- Таких нет.

- Есть. Просто они редко успевают.

Женщина дышала в трубку. Связь шла плохо, но дыхание проходило ясно. Иногда техника почему-то лучше передавала страх, чем слова.

- Ко мне нельзя, - сказала Шилова.

- Почему?

- Мне написали.

- Кто?

- Не знаю. Там было... я удалила.

- Что было?

Голос исчез. На экране Нади загорелось «повторное подключение». Все в комнате замерли. Паша уже взял куртку. Рита поднялась следом.

Связь вернулась куском фразы:

- ...после неё люди не возвращаются.

- После кого?

- После вас.

Надя закрыла глаза на полсекунды. Не от боли. Чтобы не сказать лишнее.

- Наталья Павловна, слушайте меня. Это неправда.

- А Горячев?

- Горячев пришёл ко мне уже под угрозой.

- А Матвей?

- Матвей был мёртв до меня.

- Все мёртвые до вас, а потом почему-то рядом с вами.

Рита тихо выругалась. Паша жестом попросил её молчать.

Надя подошла к окну. Во дворе курьер пытался дозвониться в подъезд и держал телефон у домофона, будто одно устройство могло объяснить другому, как работать.

- Вам нужно уйти из квартиры, - сказала Надя.

- Не пойду.

- Тогда откройте дверь только Лазареву. Он следователь. Я не войду.

Паша поднял глаза. Надя не посмотрела на него.

- Я не знаю Лазарева.

- Он покажет удостоверение.

- Мне тоже показывали.

Суханов встал.

- Дайте мне.

Надя передала телефон на громкой связи. Суханов подошёл к столу, наклонился к аппарату так, будто говорил не с телефоном, а через дверную щель.

- Наталья Павловна, это Суханов.

Долгая пауза.

- Вы старый?

- Уже да.

- Вы тогда были.

- Был.

- Вы дали ему уйти.

Суханов не ответил сразу. В комнате никто не двигался.

- Да, - сказал он. - Дал.

Рита посмотрела на него. Надя тоже.

Суханов продолжил:

- Я думал, если не полезу, ему будет безопаснее. Ошибся. Сейчас могу только приехать сам и вывезти вас. Без Климовой. Без разговоров в отделе. Решайте быстро.

На той стороне что-то стукнуло. Может, чашка. Может, дверь. Связь снова просела.

- У меня внизу машина, - сказала Шилова уже тише. - Не ваша.

- Какая?

- Серая. Второй день. В ней мужчина с ухом.

Суханов побледнел. Надя увидела, как у него на щеке дёрнулась старая мышца.

- Шрам у уха?

- Не знаю. Я не смотрю. Если смотреть, они знают.

- Отойдите от окна.

- Я и так.

Вызов оборвался.

На экране осталась длительность: четыре минуты двадцать одна секунда. Потом телефон сообщил: «Запись не сохранена. Недостаточно памяти». Надя посмотрела на это спокойно. Слишком спокойно.

Морозов протянул руку.

- Дай.

- Она не сохранилась.

- Интерфейс врёт чаще, чем подозреваемый на первом допросе. Дай.

Он забрал телефон, подключил к ноутбуку. Паша уже надевал куртку.

- Я еду.

- Я с тобой, - сказал Суханов.

- Нет, - сказала Надя.

Он повернулся к ней.

- Ты не поедешь. Она тебя боится. Значит, я останусь здесь?

- Ты поедешь с Пашей. Я поеду отдельно.

- Она сказала без тебя.

- Поэтому я не войду.

Рита коротко засмеялась, сухо, зло.

- Какая у нас сегодня этика красивая. Все соблюдают чужой страх, пока им по нему не прилетело.

- Рита.

- Что Рита? Она права. Бабка тебя боится. Не потому что дура, а потому что ей правильно подали материал. Ты теперь для свидетелей не спасение, Надя. Ты событие с плохим исходом.

Надя приняла это без защиты. Рита ударила точно. Не из мести даже. Из той профессиональной злости, которая не умеет выбирать мягкую формулировку.

- Значит, поедем так, чтобы она меня не увидела, - сказала Надя.

Морозов поднял глаза от экрана.

- Запись есть. Локальный кэш. Убогий, битый, но голос вытащу. И ещё.

- Что?

- Ей сообщение пришло не в обычный мессенджер. Тот же доверенный шлюз. Только текст доставлен за три минуты до твоего звонка, а создан... - он прищурился, - создан до того, как мы вообще нашли её в базе.

- Как?

- Не мы нашли её. Они знали, что мы найдём. Или список у них тот же.

Надя посмотрела на лист Суханова. Шесть фамилий.

- С-резерв.

- Да. Кто-то поднимает карточки раньше нас. И рассылает страх по списку.

Паша взял ключи.

- Адрес.

Суханов назвал. Они вышли быстро. Рита осталась у стола, но через секунду тоже пошла к двери.

- Ты куда? - спросила Надя.

- В морг.

- Тебя ограничили.

- Вот именно. Пока они ограничивают меня на бумаге, я хочу успеть посмотреть тело глазами.

- Одну не пуцу.

- А я и не прошу.

Надя посмотрела на неё.

- Я сейчас нужна здесь.

- Ты сейчас никому не нужна там, где тебя ждут как пугало. Уж извини за терапевтическую нежность.

- Рита.

- Нормально. Я злюсь, но работаю. Это мой лучший социальный навык.

Они разошлись у двери. Паша и Суханов вниз, к машине. Рита к служебному такси, которое ещё нужно было поймать среди приложений, не желающих признавать район. Надя осталась на секунду в коридоре конторы одна. Телефон в руке снова показал неизвестное сообщение.

«Климова уже едет. После неё люди не возвращаются».

Не ей. Скриншот. Отправленный Шиловой.

Надя переслала его Морозову и пошла к лестнице.

До Кондратьевского они добрались разными путями и почти одновременно. Паша с Сухановым вошли во двор первыми. Надя осталась за аркой, как обещала себе и не обещала Шиловой. Двор был мокрый, закрытый, с детской площадкой, где качели скрипели от ветра без детей. Под окнами стояла серая машина. Пустая.

Паша показал удостоверение домофону, что было бессмысленно, потом набрал квартиру. Никто не ответил. Суханов смотрел на окна третьего этажа.

- Она там, - сказал он.

- Почему?

- Штора дрогнула.

Надя слышала их через открытый вызов. Связь хрипела, но держалась. Она стояла у арки, где пахло сырой штукатуркой, кошачьей мочой и табаком. Мимо прошла женщина с пакетом, посмотрела на неё и ускорила шаг. Надя впервые за долгое время подумала, что люди имеют право бояться её лица.

Паша поднялся. Через две минуты в трубке щёлкнул замок. Потом голос Паши:

- Наталья Павловна? Это Лазарев. Я один. Суханов за мной. Климовой нет.

Надя стояла неподвижно.

Из динамика донёсся женский голос:

- Врёте. Она во дворе.

Паша молчал.

- Она не войдёт, - сказал Суханов. - Я обещаю.

- Вы уже обещали.

Пауза стала длинной. Потом дверь, кажется, приоткрылась. Послышался цепочный скрежет.

И в этот момент связь оборвалась.

Надя увидела только, как на экране вызов сменился красной строкой «нет соединения». Она набрала Пашу. Не проходило. Набрала Суханова. Не проходило. В доме напротив на секунду погас свет в подъезде, потом загорелся снова. Серая машина у мусорных баков моргнула аварийкой, хотя была пустой.

Надя побежала.

Она успела добежать до подъезда, когда сверху раздался глухой удар. Не выстрел. Не крик. Тяжёлый звук тела или мебели. На втором этаже распахнулась дверь, мужчина в майке выглянул и сразу спрятался обратно.

Надя поднялась на третий.

Дверь квартиры Шиловой была открыта на цепочку. Паша стоял у порога, прижимая плечом дверь, но не ломал. Суханов держал цепочку пальцами через щель и говорил внутрь тихо, почти ласково:

- Наталья Павловна. Отойдите от двери. Слышите меня? Отойдите.

Изнутри никто не отвечал.

Паша увидел Надю.

- Я сказал не входить.

- Связь упала.

- Я вижу.

Он ударил плечом. Цепочка вылетела со старым сухим треском. В квартире пахло пылью, лекарствами, старой тканью и чем-то горелым. Не пожаром. Перегретой проводкой. В комнате у окна лежал перевёрнутый стул. На полу - телефон, экраном вверх. На экране висело неотправленное голосовое.

Шиловой в комнате не было.

Суханов прошёл к кухне. Паша - к ванной. Надя подняла телефон через платок. Голосовое было адресовано неизвестному контакту. Длина - семь секунд. Статус - «ожидание сети».

Морозов потом скажет, что лучше не трогать. Надя знала. Но в коридоре уже хлопали двери, внизу кто-то вызывал полицию, связь была пустой, а свидетель исчезал из времени быстрее, чем они успевали стать правильными.

Она включила воспроизведение.

Старый женский голос сказал:

«Я не передумала. Меня сделали передумавшей. Если придёт Климова, скажите ей...»

На седьмой секунде запись оборвалась.

Паша вышел из ванной.

- Нет.

Суханов вернулся из кухни. Лицо у него было серое.

- Балкон открыт.

Надя подошла. Балконная дверь действительно была распахнута. Внизу, под козырьком подъезда, никого не было. Только мокрые следы на бетонной плите, уходящие к соседнему пожарному переходу. Для старой женщины слишком быстро. Для человека, который знал дом, - возможно.

На подоконнике лежал маленький бумажный пакет из аптеки. Пустой. На нём чёрной ручкой было написано:

«Свидетель не явилась».

Паша взял пакет в перчатках. Руки у него были спокойные. Голос - нет.

- Это уже не предупреждение.

- Нет, - сказала Надя. - Это протокол до события.

Внизу наконец появилась связь. Сразу пришли сообщения, звонки, уведомления, всё вместе, как вода после пробки в трубе.

Первым загрузилось письмо на почту Паши. Тема: «Объяснение Лазарева П. И. по факту склонения свидетеля Шиловой Н. П.».

Вторым - сообщение Рите:

«Ваш допуск временно приостановлен. Основание: риск влияния на свидетельские показания».

Третьим - короткое неизвестное Наде:

«Вы опоздали на девять минут».

Она прочитала и почему-то посмотрела не на телефон, а на открытую балконную дверь. Суханов стоял рядом, тяжело дышал. Паша уже звонил вниз, требовал перекрыть двор, лестницу, соседний корпус. Связь снова начала крошиться на середине слов.

На площадке кто-то поднялся. Не бегом. Спокойно.

Мужчина лет пятидесяти пяти остановился у двери квартиры. Серое пальто, аккуратный зонт, сухие ботинки, хотя на улице лило. Лицо обычное, служебное, из тех, которые через пять минут трудно описать. Только у правого уха тонкий старый шрам уходил под волосы. На пальце правой руки было кольцо.

Паша опустил телефон.

- Вы кто?

Мужчина посмотрел сначала на него, потом на Суханова, потом на Надю. Не удивился. Даже не изобразил удивление.

- Олег Павлович Стрижев. Управление собственной безопасности. Мне сообщили о происшествии.

Суханов шагнул вперед.

- Быстро вам сообщили.

- В таких ситуациях скорость важна.

Надя смотрела на шрам у уха. Горячев видел его восемь лет назад. Шилова боялась смотреть. Суханов однажды дал свидетелю передумать.

Стрижев перевёл взгляд на открытую балконную дверь, потом на пакет в руке Паши.

- Наталья Павловна была нестабильна. Такие свидетели часто меняют решение.

- Она не меняла, - сказал Суханов.

- Игорь Михайлович, человек мог видеть. Это бытовое. Для дела важно другое.

Надя сказала:

- Пригодность?

Стрижев посмотрел на неё почти с одобрением.

- Именно.

Паша включил диктофон на телефоне. Экран мигнул и сообщил: «недостаточно памяти».

Стрижев заметил. Не улыбнулся. Ему не нужно было улыбаться.

С площадки пахло мокрым бетоном, аптечным пакетом и плохой связью.

10. Объяснение

Стрижев не прошёл в квартиру сразу. Он остановился у порога и посмотрел вниз, на следы воды у коврика, на цепочку, которая ещё качалась после того, как Суханов её сорвал, на узкую щель между дверью и стеной, где облупленная краска держалась пластинами. В этом взгляде не было ни удивления, ни раздражения, ни той естественной служебной злости, которую человек приносит на место происшествия, когда его выдернули из ночи. Он смотрел как приёмщик на испорченную вещь: пригодится, не пригодится, можно списать.

Паша держал телефон в руке. Экран успел погаснуть. Он нажал кнопку, но устройство зависло на просьбе освободить память. Чёрная рамка казалась теперь почти издевательской: диктофон не включился, запись не началась, слова Стрижева остались только в ушах тех, кто находился на лестничной площадке. Для нормального разговора этого было достаточно. Для дела - почти ничего.

- Вы можете представиться ещё раз, - сказал Паша.

Стрижев посмотрел на него без выражения.

- Я уже представился.

- Для протокола.

- Протокол будет составлен уполномоченным лицом.

- А вы кто сейчас?

- Уполномоченное лицо, - спокойно сказал Стрижев.

Суханов тихо выругался. Не для красоты, не для давления - просто воздух вышел через грязное слово, потому что другого воздуха не осталось. Надя стояла так, чтобы видеть и Стрижева, и балкон. В комнате за его плечом всё ещё было слишком тихо. Старый диван, тонкий плед, кружка на табурете, тапки носками к кухне. Пожилые люди уходили из квартиры по-разному. Но редко оставляли тапки так ровно, будто ещё собирались вернуться через минуту и ругаться, что по мокрому полу натоптали.

Стрижев наконец вошёл. Двигался осторожно, но не как человек, боящийся нарушить следы. Скорее как тот, кто заранее знает, где следов не будет.

- Лазарев, - сказал он, не оборачиваясь, - вы первым вошли в квартиру?

- Нет. Я первым находился у двери. В квартиру вошёл после обнаружения отсутствия гражданки Шиловой и открытой балконной двери.

- Кто вскрывал?

- Суханов.

- На каком основании?

Суханов сделал шаг.

- На том, что внутри могла находиться пожилая женщина в опасности.

- Могла, - повторил Стрижев. - Хорошее слово. Очень часто используется там, где основания потом приходится додумывать.

Надя увидела, как у Паши чуть напряглась челюсть. Он ещё держался в рабочей рамке. Это было правильно. И опасно. Чем ровнее он сейчас говорил, тем удобнее из него потом можно было сделать человека, который всё понимал, всё контролировал и всё равно допустил.

- Олег Павлович, - сказала Надя.

Стрижев повернулся к ней не сразу. Он давал паузе сработать. Старый приём: человек зовёт, а ты отвечаешь позже, и разговор уже начинается не с равенства.

- Надежда Александровна.

- Наталья Павловна Шилова перед исчезновением говорила со мной. Она сообщила, что ей угрожают.

- С вашего номера?

- Да.
- Запись есть?

Паша коротко взглянул на Надю. Сеть в квартире была такой, будто дом стоял не на Кондратьевском, а в глухом подвале. Запись звонка, которую телефон Нади обычно подтягивал из облака, висела серой строкой: «обработка». Под ней крутилась тонкая окружность. Круг делал оборот за оборотом, уверенно изображая работу.

- Будет, - сказала Надя.
- Сейчас нет.
- Сейчас есть свидетель разговора.
- Вы?
- Я.
- Вы заинтересованное лицо.
- В чём?
- В результате, - сказал Стрижев. - Всегда.

Суханов резко поднял голову, но Надя остановила его взглядом. Стрижев сказал это слишком буднично. Не нападал. Не провоцировал. Он сразу ставил рамку: любое движение Нади можно будет прочитать как интерес. Любую проверку - как вмешательство. Любую попытку защитить Шилову - как давление на свидетеля.

Паша снова включил телефон. Свободной памяти по-прежнему не было. Он открыл галерею, пальцем начал удалять старые служебные сканы, но экран подвис, потом посерел, потом вернул всё обратно, как плохой архив, который не хочет отпускать мусор.

- Дайте ваш телефон, - сказал он Суханову.
- Суханов молча протянул.

Стрижев наблюдал за этим с лёгким терпением. Именно терпением. У людей, которые уверены в процедуре, терпение иногда страшнее злости.

- Запись не заменяет процессуального оформления, - сказал он.
- Зато помогает помнить, кто что сказал, - ответил Паша.
- Вопрос не в памяти.
- Конечно, - сказала Надя. - В пригодности.

- Стрижев впервые позволил себе почти улыбнуться. Не губами. Уголком взгляда.
- Вы быстро учитесь.
 - Я медленно бешусь.
 - Это хуже для вас.
 - Для меня многое хуже.

Паша включил диктофон на телефоне Суханова. Красная точка появилась на экране. Стрижев посмотрел на неё и отвернулся, будто теперь разговор стал менее интересным. Запись началась поздно. Самые важные слова уже провалились туда, где потом всегда можно сказать: «не подтверждается».

Внизу хлопнула подъездная дверь. Потом ещё одна. По лестнице поднялись двое в форме. Один молодой, бледный, с мокрыми ресницами, второй старше, с лицом человека, который давно научился не задавать вопросы, если ответы портят рабочую смену. Стрижев встретил их без удивления.

- Осмотреть подъезд, чердак, пожарный переход, двор. Балконный выход отдельно. Гражданка Шилова могла покинуть квартиру самостоятельно.

- Она восьмидесяти одного года, - сказал Суханов.
- Возраст не лишает человека мобильности.
- Зато страх иногда лишает.

Стрижев повернулся к нему.

- Игорь Михайлович, вы уже один раз сделали вывод за свидетеля. Насколько я помню, получилось спорно.

Комната стала теснее. Даже Паша замолчал.

Надя увидела, как это попало в Суханова. Не глубоко, не как нож. Как палец в старый синяк. Стрижев знал про восемнадцатый год. Знал не из общих материалов. Он знал, куда нажать. И нажал без усилия.

- Вы пришли сюда не по сообщению о происшествии, - сказала Надя. - Вы ждали.

- Я приехал, когда поступила информация о возможном нарушении порядка получения свидетельских показаний.

- От кого?

- Из служебного источника.

- Шилова исчезла десять минут назад.

- Значит, источник сработал быстро.

- Или раньше события.

- Это ваша версия.

- Нет. Это хронология.

- Хронология, - мягко сказал Стрижев, - становится доказательством только после проверки. До этого она ваша личная уверенность.

У Нади в кармане снова завибрировал телефон. Она не достала его сразу. Иногда тело умнее головы. Телефон дрожал короткими рывками, как больной нерв. Когда она всё-таки посмотрела, экран показал не звонок и не сообщение, а уведомление почты. То самое письмо Паше переслали ей. Тема повторялась сухо и грязно: «Объяснение Лазарева П. И. по факту склонения свидетеля Шиловой Н. П.».

Она открыла. Файл грузился долго. Сначала показался верхний колонтитул. Потом дата. Потом фамилия Паши. Потом строчки текста, ещё серые, не до конца прогруженные, но уже читаемые:

«...Климова Н. А. настояла на немедленном выезде к Шиловой Н. П., несмотря на отсутствие официального вызова и процессуального статуса. В ходе следования сообщила Лазареву П. И., что свидетель необходимо “успеть забрать раньше них”, чем фактически подтвердила намерение повлиять на показания...»

Надя подняла взгляд.

Паша, ещё не видевший письма целиком, понял по её лицу.

- Что там?

Она протянула телефон. Связь опять сбилась, документ моргнул и исчез, оставив белый экран с ошибкой загрузки. Паша смотрел на пустоту несколько секунд. Потом файл вернулся с середины, как будто кто-то специально показал только нужный кусок:

«...Лазарев П. И. предупреждал Климову Н. А. о недопустимости контакта со свидетелем без участия уполномоченного должностного лица...»

Паша медленно поднял глаза на Стрижева.

- Я этого не писал.

- От вас пока никто и не требует подписи.

- Пока?

- Объяснение будет получено в установленном порядке.

- Текст уже есть.

- Проект, возможно.

- Проект моего объяснения?

- Вам будет предоставлена возможность уточнить.

Раньше Надя подумала бы: вот оно, прямое доказательство. Но серия научила её осторожности. Готовый текст сам по себе ещё ничего не доказывал, кроме наглости. Он мог быть

приманкой. Мог быть сигналом. Мог быть способом заставить Пашу вспыхнуть и наговорить того, что потом аккуратно ляжет рядом с «склонением». Стрижев не охотился за правдой. Он охотился за пригодностью.

- Паша, - сказала она тихо.

Он посмотрел на неё.

- Не спасай меня.

- Что?

- Если будешь давать объяснение, говори всё как было.

Паша понял сразу. Это было видно по тому, как у него исчезла злость. Осталась работа, и от этого стало хуже.

- Ты действительно сказала, что надо успеть раньше них.

- Да.

- И сказала, что Шилову нужно вывести из квартиры, если она согласится.

- Да.

- И сказала, что официальная машина может не помочь.

- Да.

Стрижев молчал. Ему нравилась эта часть. Не как зрелище, а как правильная механика. Люди сами приносили ему факты. Настоящие. Осталось только расставить их в нужном порядке.

Суханов хрипло сказал:

- Надь.

- Игорь Михайлович, если Паша соврёт сейчас, нас закроют не по лжи, а по попытке закрыть ложь.

- А если скажет правду, закроют по правде.

- Значит, будем вытаскивать контекст.

Стрижев наконец вмешался:

- Контекст часто служит способом уйти от сути.

- Нет, - сказала Надя. - Контекст служит способом понять, кто сделал суть удобной.

В квартире стало холодно. Балконная дверь всё ещё была открыта. Молодой сотрудник вернулся с балкона, мокрый по плечам.

- На пожарном переходе следы есть. Свежие. Дальше вниз к технической лестнице. Внизу выход во двор с другой стороны. Камера над выходом не работает.

- С какого времени? - спросил Паша.

Молодой посмотрел на старшего. Старший посмотрел на Стрижева. Стрижев ответил:

- Установим.

- Сейчас установим, - сказал Паша.

- Не стоит мешать осмотру.

- Я участвую.

- На каком основании?

- На том, что вы уже подготовили моё объяснение.

Старший сотрудник кашлянул в кулак. Молодой отвёл глаза. В этом маленьком движении было больше правды, чем в их будущих рапортах. Люди видели. Люди понимали. Но видеть и быть пригодным - разные вещи.

Надя прошла к кухне. На столе стоял старый кнопочный телефон. Не мобильный - домашняя база, пыльная, с треснувшим экраном. Рядом лежал блокнот с номерами. Почерк Шиловой был крупный, старческий, но твёрдый. Несколько страниц вырваны. На последней оставшейся карандашом было написано: «если не дойдет - сказать тому, кто не из отдела».

Надя не тронула блокнот руками. Позвала Пашу.

- Сфотографируй.

Паша подошёл. Телефон Суханова продолжал писать. Свой Паша уже сунул в карман, будто тот стал ненадёжным свидетелем.

- Видишь?

- Вижу.

Стрижев оказался рядом почти сразу.

- Это не доказывает, что записка сделана сегодня.

- А вы уже спорите с ней как с сегодняшней.

- Я предупреждаю вас от преждевременных выводов.

- Нет. Вы их распределяете.

Паша сделал снимок. Сеть не давала загрузить его никуда, но локально кадр сохранился. Он проверил. На экране блокнот выглядел грязно, серо, живо. Слова были на месте. Пока.

Из комнаты донёсся голос Суханова:

- Надя.

Она вернулась. Суханов стоял у шкафа, не открывая его полностью. На нижней полке между старыми полотенцами лежала аптечная коробочка. Не лекарства. Картонная коробочка из-под тонометра, перетянутая бельевой резинкой. На крышке ручкой: «Егор».

Суханов смотрел на эту надпись так, будто ему в руки дали не вещь, а возраст.

- Сын, - сказал он. - Зяблицев.

Стрижев сделал шаг.

- Не трогать до фиксации.

- Так фиксируйте, - сказал Суханов. - Вы же уполномоченное лицо.

В первый раз за вечер Стрижеву пришлось сделать то, что было нужно не ему. Он кивнул старшему сотруднику. Тот достал телефон, навёл камеру. Экран показал предупреждение: «не удалось сохранить файл». Память заполнена.

Молодой сотрудник тихо сказал:

- У меня есть место.

Старший посмотрел на него так, будто тот сказал лишнее. Но было поздно. В маленькой квартире свидетеля снова прозвучала простая человеческая готовность сделать то, что процедура потом может не принять.

- Снимайте, - сказал Паша.

Стрижев не возразил.

Коробку открыли при всех. Внутри лежали школьные фотографии Егора, справки из диспансера, старые квитанции, обрывок газеты с заметкой о пожаре и маленький чёрный диктофон, обмотанный резинкой. Старый, дешёвый, с облезлой кнопкой записи. Такой не синхронизировался с облаком, не просил обновить систему, не зависел от VPN и не притворялся умнее человека.

Надя почувствовала почти нежность к этой убогой пластмассе.

- Не включать, - сказал Стрижев.

- Конечно, - ответила она. - Пусть сначала пригодность определяют.

Паша забрал диктофон в пакет. Стрижев смотрел на него слишком ровно.

Внизу опять хлопнула дверь. Кто-то крикнул из двора, что технический выход ведёт к соседнему корпусу и дальше к арке. Камера над аркой работала, но только онлайн. Архив не писался третий день. Провайдер обещал восстановить.

Молодой сотрудник сказал это тихо, почти виновато.

Стрижев кивнул:

- Значит, будем работать с тем, что есть.

Надя посмотрела на него.

- Вы это всегда говорите, когда заранее знаете, чего не будет?

Он не ответил.

На телефоне Паши наконец освободилась память. Диктофон ожил, но запись с лестничной площадки уже не вернуть. Паша смотрел на красную точку на экране, потом на старый диктофон в пакете, потом на пустой балкон.

- Она оставила его не нам, - сказал он.

- Нет, - ответила Надя. - Она оставила тому, кто ещё мог не загрузиться.

Стрижев вышел на площадку. Его сухие ботинки не оставили следов.

В квартире Натальи Шиловой связь появилась на одну полоску и тут же снова исчезла.

11. Непригодна

Рите позвонили не с рабочего номера. Это сразу было плохо. Рабочие номера в плохих делах хотя бы сохраняли видимость порядка: фамилия на экране, должность, кабинет, старый внутренний код, который ещё можно было потом вытащить из детализации и приложить к жалобе, к объяснению, к чьей-нибудь будущей служебной могиле. Незвестный номер был другим жанром. Он не оставлял лица.

Она сидела в маленьком коридоре между секционной и комнатой для персонала, хотя официально уже не должна была там сидеть. Допуск приостановили. Двери для неё не закрыли физически, потому что никто не хотел выглядеть идиотом и выгонять судебного медика из морга среди ночи. Но пропуск на турникете мигнул красным, электронный журнал показал «ограничение доступа», охранник Вадик сделал лицо человека, который сейчас умрёт от стыда, и Рита прошла через боковую дверь, где замок держался на честном слове и старом уважении к людям, которые вытаскивали тела, когда электронные журналы ещё не умели врать красиво.

Вадик сказал ей вслед:

- Рита Викторовна, я вас не видел.
- Вадик, если меня сейчас кто-нибудь видел, это уже не ты, это камеры. Расслабься.
- Они сегодня тупят.
- Все сегодня тупят.

Она хотела добавить что-то привычно грязное, но не стала. Голова болела так, будто внутрь черепа налили формалин и забыли подписать ёмкость. На столике рядом лежала распечатка приказа о временном ограничении допуска. Не отстранение. Не запрет. Не обвинение. «До уточнения обстоятельств влияния эксперта Корнеевой Р. В. на свидетельскую цепочку по материалам 18-47/С». Слова были такими аккуратными, что хотелось плюнуть на них кровью.

Свидетельская цепочка. Эксперт как влияние. Рита перечитала три раза и на четвёртый поняла, что её не убирают от тела. Её переводят из человека, который смотрит на тело, в человека, которого будут смотреть.

Телефон снова завибрировал. Незвестный номер.

- Корнеева.

Сначала был шум. Не городской, не уличный. Плотный цифровой треск, как будто кто-то мял пакет рядом с микрофоном. Потом женский голос сказал:

- Вы тогда подписали.

Рита закрыла глаза.

- Кто это?

- Вы тогда подписали, что маркировка восстановлена по сопроводительным данным.

- Кто говорит?

- Он был не один.

- Кто?

- Рыбин.

Связь щёлкнула. Голос провалился. На экране появилась надпись: «вызов завершён». Номер исчез из списка не сразу, будто телефон сам не мог решить, был разговор или нет. Рита открыла журнал звонков. Последний вызов оказался пустой строкой без номера и времени. Потом время появилось: 00:38. Потом исчезло. Потом телефон предложил отправить отчёт об ошибке.

- Отчёт ты мне отправь в гроб, - сказала Рита.

В комнате для персонала пахло дешёвым кофе, хлоркой и мокрым пластиком бахил. На подоконнике стояла кружка Агеева. Рита посмотрела на неё с такой силой, что кружка должна была треснуть из профессиональной солидарности. Не треснула. Плохая вещь.

Она открыла папку, которую успела снять на телефон до ограничения доступа. Снимки грузились локально, но часть была размазана. Когда Агеев зашёл, Рита снимала быстро: первый лист, второй, сопроводительный, отметка о поступлении, бирка, копия старого уточнения. На одном кадре её собственная подпись расплылась от движения, но всё равно была узнаваема. Рита знала свои подписи лучше, чем некоторые люди знали собственные лица. Эта была настоящая. Старая. Нервная, но её.

«Маркировка биологического материала восстановлена по сопроводительным данным. Признаков нарушения целостности упаковки на момент приёма не выявлено».

Она помнила такие формулировки. Их подписывали, когда привозили образцы с кривыми наклейками, мокрыми пакетами, плохо заполненными направлениями, чужой усталостью и вечным «ну вы же понимаете, ночь, отдел, завал». Иногда это была обычная халтура. Иногда - способ спасти материал от полного процессуального мусора. Эксперт не всегда жил в стерильном мире. Эксперт часто стоял по щиколотку в грязи и решал, есть ли ещё шанс вытащить из неё факт.

Но этот лист был вложен теперь в дело так, будто Рита подтвердила личность. Не упаковку. Не целостность. Не момент приёма. Личность.

Вот где было самое мерзкое. Не ложь поверх её подписи. Ложь вокруг неё.

Рита открыла старую память, как вскрывают карман в одежде мёртвого. Восемнадцатый. Август. Жара, от которой в коридорах морга пахло не смертью, а кислой мокрой тканью. Две смены подряд. Молодой парень в пакете, доставленный после пожара, вещи отдельно, биоматериал отдельно, район давит, потому что «надо быстро, там свидетельская история, безопасность». Тогда она ещё работала с другим заведующим, старый Кузьмин орал на всех, но подписывал чужую халтуру быстрее, чем читал. Она помнила, что ругалась. Помнила мокрый край пакета. Помнила, что сказала: «Я вам не прачечная для грязных направлений». Помнила чьи-то руки на столе. Мужские. С кольцом.

Рита резко открыла глаза.

Кольцо.

Она не видела лица. Тогда всё было измотанно, быстро, с запахом гари. Но кольцо помнила. Плоское, служебно-сучное, на правой руке. Человек не трогал документы. Он только держал папку, пока другой сотрудник говорил. Это было неправильно. Люди с такими руками обычно не держали папки за других. Они держали ситуацию.

Она набрала Надю. Вызов пошёл, застрял, сбросился. Набрала снова. Сеть показала две полоски, потом букву, потом ничего. Рита сунула телефон в карман и пошла к старому стационарному аппарату у поста. Он был серый, жирный от пальцев и прекрасный в своей тупости.

В коридоре её встретил Агеев.

Он выглядел уставшим. Это раздражало. Уставшие люди часто считают, что усталость делает их менее виноватыми.

- Корнеева, вы не имеете права находиться в рабочей зоне.

- А ты не имеешь права носить эту физиономию без лицензии, но мы оба терпим.

- Рита Викторовна.

- Что?

- Вы делаете себе хуже.

- Я давно в профессии, Агеев. Себе хуже я делаю квалифицированно.

Он вздохнул.

- Вас просят дать объяснение.

- Кто просит?

- Служебная проверка.

- Служебная проверка пусть купит себе цветы и просит лично.

- Не надо.

- Что не надо?

- Делать вид, что это обычная драка.

Рита остановилась. Агеев впервые сказал что-то не канцелярское. В его лице прорезалось человеческое, маленькое, нервное. Не союзное. Но живое.

- Ты что знаешь? - спросила она.

Он посмотрел в сторону камеры в коридоре. Та висела давно, старая, с мутным куполом. Работала или нет - никто никогда точно не знал. Сегодня такие вещи особенно хотелось считать живыми.

- Я знаю, что вам лучше выйти через центральный вход и зафиксировать, что вы покинули учреждение добровольно.

- А если не выйду?

- Тогда зафиксируют, что вы пытались получить доступ к материалам после ограничения допуска.

- Я и пыталась.

- Не говорите этого.

- Почему? Правда же.

- Потому что правда без правильной формы здесь никому не нужна.

Рита посмотрела на него внимательнее. Агееву было около сорока, может меньше, но морг добавлял людям годы хуже паспорта. Он не был мерзавцем уровня Стрижева. Он был удобным человеком в неудобном месте. Такая система любила особенно: они сами себя объясняли.

- Ты меня сдаёшь или предупреждаешь?

- Я фиксирую риски.

- Блядь, Агеев, ты даже страх канцеляритом заболтал.

Он сжал губы.

- В восемнадцатом был Кузьмин.

Рита не двинулась.

- И что?

- Материалы шли через него. Но уточнение подписывали вы.

- Я это уже видела.

- Там не один лист.

- Где остальное?

Агеев молчал.

- Где, я спрашиваю?

Он почти незаметно кивнул в сторону старого архива учреждения. Дверь там была закрыта, но Рита знала замок. Замок тоже знал Риту. У них были долгие отношения.

- Ты сейчас мне предлагаешь нарушить ограничение допуска?

- Нет.

- Конечно нет. Ты просто головой показываешь, куда мне не идти.

- Я ничего не показывал.

- Ты родился для протокола, Агеев.

Он вдруг сказал тише:

- Там копия журнала приёма. Бумажная. Электронный журнал за тот месяц восстановлен из резервной выгрузки. Бумажный отличается.

Рита почувствовала, как сердце ударило неровно. Не от страха. От профессиональной злости. Бумажный журнал отличался от восстановленного электронного. Значит, кто-то не просто использовал её лист. Кто-то потом переписал путь образца.

- Почему ты мне говоришь?

Агеев посмотрел на неё почти зло.

- Потому что я видел второй Рыбин. И потому что если сейчас всё повесят на вас, мне потом с этим работать. Я не люблю работать в говне, которое не сам выбрал.

Рита кивнула.

- Это почти нравственная позиция. Осторожно, привыкнешь.

Она прошла мимо него. Агеев не остановил.

Архив учреждения находился в конце коридора, за дверь с облупленной табличкой «Хранение временное». Временное здесь означало примерно вечное, но без ответственности. Внутри стояли металлические шкафы, картонные коробки, старые журналы, списанные пакеты, ведомости, которые давно должны были уйти в другое место, но не ушли, потому что другое место то переезжало, то оптимизировалось, то не брало трубку.

Рита включила фонарик. Телефон предупредил, что заряда осталось девять процентов. Она сказала ему:

- Умрёшь - похороню без почестей.

Шкаф с журналами восемнадцатого стоял у стены. Замок действительно был знакомый. Рита достала из кармана тонкую металлическую пилочку. Она не считала это взломом. Она считала это старой дружбой с мебелью.

Дверца открылась с тихим скрежетом.

В журнале приёма за август страницы были пожелтевшие, края пахли пылью и сырым картоном. Рита нашла дату. Нашла поступление после пожара. Нашла номер.

Горячев С. А.

Потом рядом, другой рукой, позже, другим нажимом:

Материал: Рыбин М. С.

Она выругалась беззвучно.

В электронном листе, который ей прислали, это выглядело как один восстановленный материал. В бумажном журнале было видно, что фамилию дописали позже. Не аккуратно. Не для эксперта. Для того, кто потом будет читать глазами начальства, а не руками человека, понимающего бумагу.

Рита сфотографировала страницу. Телефон щёлкнул и тут же погас. Девять процентов оказались оптимистичной ложью.

Она стояла в тёмном архиве с мёртвым телефоном и настоящей страницей перед собой. За дверь кто-то прошёл. Шаги остановились.

Рита не двигалась.

- Рита Викторовна, - сказал Стрижев снаружи.

Голос был негромкий, почти вежливый. Он не должен был быть здесь так быстро. Но в этой ночи все, кто угрожал, приходили быстрее связи.

- Вы же понимаете, - сказал он, - что теперь всё найденное вами будет трудно принять.

Рита посмотрела на бумажный журнал. На две фамилии. На чужую дописку рядом с её старой подписью.

- Олег Павлович, - сказала она через дверь. - Я двадцать лет смотрю на людей, которые уже ничего не могут объяснить. Поверьте, трудно принять - это моя специальность.

Снаружи была пауза.

- Откройте дверь.

- Щас. Только причешусь.

Она вырвала страницу не сразу. Рука поднялась и остановилась. Нельзя. Если вырвать, страница станет её нарушением. Если оставить, её заберут. Если сфотографировать - телефон мёртв. Рита смотрела на журнал и впервые за ночь почти физически почувствовала, как процедура держит её за горло: любой выбор уже оформлен против неё.

Потом в коридоре прозвучал другой голос.

- Олег Павлович.

Паша.

Рита закрыла глаза на секунду. Не от облегчения. От злости, что облегчение вообще возможно.

- Лазарев, - сказал Стрижев. - Вы тоже решили нарушить режим доступа?

- Нет. Я решил получить объяснение Корнеевой до того, как вы сделаете её объяснением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.